

А. В. Комар

Место гибели князя Святослава: поиски, легенды, гипотезы, мистификации

Keywords: Dnieper Land, Prince Svyatoslav Igorevich, Pechenegs, swords, DnieproHES dam, Dnieprostroi expedition, Voznesenka archaeological complex, rapids, Khortitsa.

Cuvinte cheie: regiunea Niprului, kneazul Sveatoslav Igorevici, pecenegi, spade, barajul DnieproHES, expediția Dnieprostroi, complexul arheologic Voznesenka, praguri, Hortița.

Ключевые слова: Поднепровье, князь Святослав Игоревич, печенеги, мечи, плотина ДнепроГЭС, Днепростроевская экспедиция, Вознесенский археологический комплекс, пороги, Хортица.

O. V. Komar

Svyatoslav's Place of Death: Searches, Legends, Hypotheses, Mystifications

The author critically reviewed most popular hypotheses about the localization of the place of death of Prince Svyatoslav Igorevich in the context of written and archaeological sources. Special attention is paid to hypotheses of the origin of swords found in 1928 in the pit of the DnieproHES dam, a sword found near Khortitsa island in 2011 and also to the Voznesenka archaeological complex unearthed in 1930, interpreted as "Svyatoslav's grave" by M.A. Miller. The author states impossibility to establish the actual place of death of the prince and his warriors on the basis of available scientific data.

O. V. Komar

Locul morții kneazului Sveatoslav: cercetări, legende, ipoteze, mistificări

Articolul reprezintă o abordare critică a celor mai populare ipoteze despre localizarea locului morții kneazului Sveatoslav Igorevici în contextul datelor oferite de sursele scrise și arheologice. O atenție deosebită este acordată versiunilor despre proveniența spadelor, găsite în 1928 în șantierul de construcție a barajului DnieproHES, în 2011 lângă insula Hortița, precum și despre interpretarea complexului arheologic Voznesenski, descoperit în 1930 și considerat de către A. Miller drept „mormântul lui Sveatoslav”. Se poate constata, că locul real al morții lui Sveatoslav și a oștenilor săi nu poate fi determinat cu exactitate în baza datelor științifice, disponibile astăzi.

A. B. Комар

Место гибели князя Святослава: поиски, легенды, гипотезы, мистификации

В статье критически рассмотрены наиболее популярные гипотезы о локализации места гибели князя Святослава Игоревича в контексте данных письменных и археологических источников. Особое внимание уделено версиям о происхождении мечей, найденных в 1928 г. в котловане строительства плотины ДнепроГЭС, в 2011 г. у о. Хортица, а также Вознесенскому археологическому комплексу 1930 г., атрибутированному в качестве «могилы Святослава» М.А. Миллером. Констатируется невозможность установить реальное место гибели князя и его воинов на основании имеющихся в нашем распоряжении научных данных.

Поиски и идентификация могил выдающихся исторических деятелей принадлежат к наиболее резонансным видам археологических исследований. Традиционно получая широкое освещение в СМИ и разнообразной краеведческой литературе, выставках, экскурсиях и т.п., яркая гипотеза может настолько прочно закрепиться в сознании определенной части общества, что её собственно научная составляющая со временем отходит далеко на задний план. Именно такая ситуа-

ция постепенно сложилась с локализацией места гибели и погребения легендарного князя Святослава Игоревича: оставаясь загадкой для большинства учёных, оно, тем не менее, «известно» широкому кругу любителей истории Поднепровья, и в особенности г. Запорожье, опирающихся на всё возрастающее количество печатных работ и даже соответствующие официальные мемориальные памятники. Действительно ли «проблема Святослава» настолько близка к разгадке?

Письменные источники

Древнерусские летописцы описывают смерть Святослава крайне лаконично: «Веснѣ же пристѣвши поиде Стославъ в пороги. и нападе на нь Кура князь Печенѣжъский. и оубиша Стослава. [и] взяша главу его. и во лбѣ его съдѣлаша чашю. шковаше лобъ его. и пяху по немь. Свѣналдъ же приде Киеву къ Ярополку (ПСРЛ 2000, 1: ст. 74; ПСРЛ 2000, 2: ст. 61—62).

Византийский историк Лев Диакон сообщает немногим более: «Сфендослав оставил Дористол, вернул согласно договору пленных и отплыл с оставшимися соратниками, направив свой путь на родину. По пути им устроили засаду пазинаки — многочисленное кочевое племя, которое пожирает вшей, возит с собою жилища и большую часть жизни проводит в повозках. Они перебили почти всех росов, убили вместе с прочими Сфендослава, так что лишь немногие из огромного войска росов вернулись невредимыми в родные места» (Лев Диакон 1988: 82). Иоанн Скилица также говорит о засаде: «Когда Сфендослав возвращался домой и проходил через землю пазинаков, то они заранее подготовили засаду и ожидали его. Подвергшись нападению, он и все его войско было совершенно истреблено» (Скилица 1988: 133).

В качестве самостоятельного источника последнее время используется также миниатюра Радзивилловской летописи (Л. 40 об.), на которой художник изобразил картину последнего боя Святослава (Королев 2011: 247; Саричев 2012; 2013). На рисунке лодка с князем и воинами обращена носом вправо к конным печенегам на низком зеленом берегу, двигаясь от каменистого (коричневого) берега, где его забрасывают камнями пешие печенеги (рис. 1). Замысел сюжета в общих чертах можно представить так: печенеги устроили засаду перед порогом на высоком правом берегу, не давая пристать к нему, и заставили Святослава, чтобы не гибнуть под градом стрел и камней, двигаться в сторону левого берега и принять бой с основными силами хана Кури. Проблема лишь в том, что в таком виде иллюстрация отражает видение художника конца XV в., а следовательно, важно понять его мотивы и источники, а также сложную схему формирования финального вида рисунка.

В создании миниатюр Радзивилловской летописи поэтапно принимали участие, корректируя рисунки предшественников, от 3-х до 5-ти разных художников (Кукушкина и др. 1994: 302—303). О.И. Подобедова продемон-

стрировала, что большинство рисунков копировались с иллюминированного древнерусского оригинала, написанного в два столбца, тогда как в Радзивилловском списке такого разделения нет (Подобедова 1964: 55—62). Это обстоятельство заставило художников растягивать иллюстрацию на ширину всего листа, не меняя ее высоты, что достигалось различными способами: механическим соединением двух соседних миниатюр, размножением персонажей, добавлением сооружений, пейзажей, животных и т. д.

В рассматриваемой сцене гибели Святослава (рис. 1) оригинальная древнерусская миниатюра искусственно расширена на лист. Художник перекрыл эскизные переднюю часть лошади и ноги всадника раскрашенными правым берегом и носом лодки. Вряд ли это несогласованность между автором эскиза и раскрасчиком — такая же ситуация наблюдается на Л. 94 об. и 189 об., а на эскизах-вклейках Л. 89 линия берега сознательно перекрывает всадников. Вклейки Л. 89 объединяет с иллюстрацией гибели Святослава и такая деталь, как щит сердцевидной формы. В первой части миниатюр, выполненных «мастером А» (Л. 3—95 об.), сердцевидный щит редкий и, за исключением Л. 14 об., 42 об., 81, 82, 86 об., присутствует на характерных рисунках с признаками правки или анахронизмов: Л. 9 (рядом с рыцарем в доспехах), 26 об. (на полях), 68 (на полях), 79 об. (вместе с саблями с фигурным лезвием), 89 (вклейка). Зато именно сердцевидный щит характерен для миниатюр второй части рукописи (Л. 96—194), выполненных «мастером Б», которому и принадлежат правки первой части иллюстраций и вклейки. Поверх слабого черного контура «мастера Б» жирным черным контуром наводил рисунок третий «мастер В или Г», виновный, в частности, в том, что копыта и хвосты лошадей на иллюстрации последнего боя Святослава выступают за поля первоначального эскиза, выполненного «мастером А» при помощи коричневого контура. В финальной правке данной миниатюры линию борта лодки переместили вниз, а руль челна — вправо; черты лица Святослава и соседних воинов прорисованы заново так, что едва различимы среди наслоений нескольких рисунков (рис. 1).

Немотивированными выглядят камни, летящие справа от вооруженных саблями и копьями печенежских всадников, причем незакрашенные камни возле головы переднего всадника явно были нанесены ранее линий шлема и копья, добавленных последним редактором. Создается впечатление, что первоначально художник XV в. («мастер А») на-

Рис. 1. Бой Святослава с печенегами. Миниатюра Радзивилловской рукописи (по Радзивилловская летопись 1994, 1: Л. 40 об.).

Fig. 1. Svyatoslav's battle with Pechenegs. Picture from Radziwiłł manuscript (after (по Радзивилловская летопись 1994, 1: Л. 40 об.).

меревался выполнить симметричную картину осыпания камнями русских воинов справа и слева, однако впоследствии он же или, скорее, «мастер Б», предпочел добавить сцену боя, поскольку обращенная кормой к печенегам слева лодка Святослава в символике древнерусских миниатюр обозначала бы побег. Впрочем, сравнив ширину реки рисунка с соседними миниатюрами рукописи, где хорошо видна ширина столбцов древнерусского оригинала (Л. 40 об.—41 об.), приходится констатировать, что не только для правой части печенежских воинов, но и для левой также, места на реконструированной древнерусской миниатюре XIII в. элементарно не находится.

Этот вывод несколько не удивителен — он прямо вытекает из сути и задач иллюминирования рукописи, призванного с помощью изобразительных средств передать события летописного повествования. Как отметил Д.С. Лихачёв, для миниатюр Радзивилловской летописи характерно изображение поражения или возвращения из похода движением справа налево, которое наблюдаем в случае со Святославом на Л. 38 об., но на Л. 40 возвращение князя передано наоборот, движением слева направо (Лихачев 1979: 34). Движение слева направо изображено и в сцене гибели Святослава на Л. 40 об.

Это кажущееся противоречие объясняется лексикой текста летописи, над обеими иллюстрациями на Л. 40—40 об. гласящего: «пойде в лодяхъ к порогомъ», «пойде Стославъ в порогы». Оригинальные древнерусские миниатюры Л. 40 и 40 об. изображали два эпизода 971 и 972 гг. выступления Святослава в путь к порогам на лодках, и лишь художниками конца XV в. на базе второй миниатюры была создана сцена печенежской засады. Никаким отдельным источником об обстоятельствах смерти Святослава древнерусский художник, несомненно, не обладал, буквально следуя летописному тексту. Сомнительно, чтобы такой источник был доступен и кому-то из художников Радзивилловской рукописи XV в. Ещё более фантастично, чтобы он самостоятельно смог идентифицировать место и точно изобразить его в реалиях.

Летописи не знают ни «могилы Святослава», ни места его гибели, не упоминая подобные ориентиры в сказаниях о походах князей на печенегов и половцев. Это подтверждает версию византийских хронистов о полной гибели спутников Святослава и усиливает позиции тех историков, которые считали слова Свенельда о необходимости двигаться из Болгарии конным путем не просто рекомендацией князю, а реально выполненным маневром, спасшим жизнь самому воеводе и ча-

сти войска. Именно такую версию озвучивает В. Н. Татищев с помощью «Иоакимовской летописи»: «Онъ бо [Святослав] вся воя отпусти полемъ ко Кіеву, а самъ не со многими иде въ лодіахъ, и на Днѣпрѣ близъ Проторча (пороговъ) оступиша Печенѣзи и со всѣми, бывшими при немъ, избиша» (Татищев 1768: 37).

Характер «Иоакимовской летописи» как источника подробно разобран А. П. Толочко (Толочко 2005: 196—245). Автор данной стилизации под летописный текст (независимо, был ли это сам В. Н. Татищев или его современник) не представлял географических реалий Нижнего Поднепровья, о чем свидетельствует заимствование стандартной для описания русско-кочевнических противостояний в поле фраза «оступиша Печенѣзи», вместо более подходящего ситуации выражения ПВЛ «нападет на нь». Проблемы возникают и с местом нападения печенегов. В. Н. Татищев считал «проторчи» (от ошибочной записи в Радзивиловском списке топонима «Протѣльчъ» у о. Хортица) древнерусским названием порогов, активно используя свою догадку в первом варианте «Истории» (Толочко 2005: 233—235). Во второй редакции, наоборот, это слово почти везде было исправлено, в т. ч. даже в передаче места сбора лодок и конного войска князей («Торчи») в летописном сообщении 1103 г. о походе против половцев (ПСРЛ 2000, 1: ст. 277—278; ПСРЛ 2000, 2: ст. 253; Татищев 1773: 200). Причиной последнего, скорее всего, стало отсутствие порогов непосредственно рядом с Хортицей, на что могли обратить внимание историка.

Часть сторонников подлинности «летописи Иоакима» предлагают игнорировать «проторчи» В. Н. Татищева и читать в сообщении о смерти Святослава «Протолчи», привязывая топоним к броду на Хортице и, соответственно, распространяя название на южную часть острова (Ширяев 2007: 58—61). В XVI—XVIII вв. гидроним Протолчъ/Протовча (Етимологічний словник 1985: 111—112; Німчук 1992: 126), с которым В. Г. Ляскоронский отождествлял летописное «Протѣльчъ» (Ляскоронский 1907: 69—70), обозначал палеоруло р. Орели (Пазинич 2007). Сочетая эту параллель и этимологию названия (Срезневский 1902: ст. 1599), можно предположить, что летописное «Протѣльчъ» — это узкое старое русло Днепра возле о. Хортица (рис. 2), как в свое время и считал Н. М. Карамзин (правда, опираясь на трактовку «протѣльчъ» как «пролив») (Карамзин 1842, II: прим. 200). Именно в глубоком Старом Днѣпрѣ сконцентрированы основные наход-

ки лодок X—XVIII вв., а у о. Малая Хортица располагались пристань и верфь казачьего времени (Яворницький 1990: 120—121; Шаповалов 1991; 2010; Гаврилюк, Остапенко 2010; Кобалія 2013).

Константин Багрянородный в X в. описывает Хортицу («Остров св. Григория») как место остановки и базу для судов русов, место совершения благодарственных жертвоприношений священному дубу, специально отмечая: «от этого острова росы не боятся пачинакита, пока не достигнут реки Селина [рукав Дуная]» (Константин Багрянородный 1991: 48—49). Последнему способствовали отсутствие порогов, увеличение ширины Днепра, а также начало плотной полосы днепровских плавней на левом берегу, охранявших суда от появления кочевников с этой стороны. В XII—XIV вв. древнерусские поселения функционировали на правом и левом берегу Днепра возле с. Кичкас (Сміленко 1975: 178—187; Козловський 1992: 111—113), на полпути от Кичкаской переправы к Хортице. Поселение X—XIV вв. исследовано и на самой Хортице (т. н. поселение «Протолче») (Сокульский и др. 1977: 373—374; Козловський, Ільїнський 1991: 46). Позже, в XV—XVI вв., эта ландшафтно-географическая зона трансформировалась в знаменитое «Запорожье».

Вероятно, именно на защищенной естественными условиями Хортице, где письменными и археологическими источниками зафиксировано поселение русов X в., и находилась русская стража, осенью 971 г. предупредившая Святослава о печенегах на порогах, заставив возвращаться назад и зимовать на Белобережье. Хортицкая застава, в первую очередь, должна была наблюдать за переправой, упомянутой у Константина Багрянородного под названием «Крария» (от сканд. Vrág — «поворот») (Константин Багрянородный 1991: 48—49, 326) — тождественной Кичкаской, или же расположенной в древнерусское время чуть ближе к повороту Днепра возле т. н. «Волчьей глотки». Переправа достигала в ширину расстояния полета стрелы, «из-за чего к этому месту спускаются пачинакиты и воюют против русов». Также стража могла отправлять разведчиков к ближайшему от Хортицы Вольному (Гадючьему) порогу в 9 км выше по течению.

«Пороги» традиционно противопоставлялись «Запорожью» как ландшафтная зона со свободным доступом кочевников к Днѣпру. Но представления о зоне порожистого Днепра как «диком крае печенегов» разрушило откры-

Рис. 2. Карта археологических объектов, исследованных в 1927—1931 гг. в зоне Днепростроя. Составлена А.В. Добровольским и В.А. Гринченко (Научный архив ИА НАНУ. Фонд В.А. Гринченко, № Г/3).

Fig. 2. Map of archaeological sites, studied in 1927—1931 in the Dnieprostroi zone. Composed by A.V. Dobrovolskiy and V.A. Grinchenko (Scientific archive of the IA NASU. V.A. Grinchenko's Fund, no. Г/3).

тие здесь в 1927—1932 гг. Днепростроевской экспедицией первых славянских поселений X в. А. Т. Смilenko позже насчитывала в регионе как минимум 7 памятников с горизонтами данного периода (Смilenko 1975: 163—169, рис. 58), а А.О. Козловский — уже 16 пунктов (Козловский 1992: 122—124; рис. 9). Речь идет не о временных поселках или стоянках на пути из Варяг в Греки, а о стационарных

поселениях с развитым гончарным и железодельным ремеслом. На одном из таких поселений напротив Кодацкого порога (возле с. Старые Кодаки) в 1958 г. А.В. Бодянский собрал из размыва берега 5 сферических гирек X в. вместе с обломками древнерусской керамики и железной «вилкой» (Шарафутдинова, Телегин 1959: 15—16). Функционирование древнерусских поселений, в первую оче-

редь, обеспечивало ремонт судов после их повреждения при преодолении порогов и забор, продукты питания для экипажей, но одновременно, постоянное пребывание славян в зоне порогов позволяло своевременно информировать купеческие караваны об опасности от печенегов, если они появлялись поблизости. Система предупреждения имела жизненно важное значение для русов, но весной 972 г. эта тактика не сработала — Святослав рискнул идти в пороги, где и попал в засаду. Единственное логическое тому объяснение — печенеги отвели свои отряды от Днепра на обманчиво безопасное расстояние, а затем совершили нападение там, где его было невозможно избежать.

По данным Константина Багрянородного, из описанных им семи порогов три первых и три последних порога преодолевались русами без разгрузки лодок, путем высадки людей для повышения посадки (часть выходила на берег, а другие проводили лодку вручную). И только на четвертом пороге Неясыт приходилось всем причаливать к берегу. Здесь русы делились на три группы: одна отходила охранять остальных от печенегов, вторая преодолевалась по суше 6 миль (9 км) с грузом, а третья волоком перетягивала лодки через порог. Только для порога Неясыт и переправы «Крария» Константин отмечает повышенную опасность от печенегов (Константин Багрянородный 1991: 46—49), хотя такая, условно, существовала и на других порогах.

Э. Лясота рассказывает подробнее, что во время путешествия 1594 г. ему и спутникам приходилось выходить на правый берег возле Кодацкого, Лоханского, Звонецкого порогов и на левый «татарский» берег возле порогов Ненасытецкого, Вовнигского, Будиловского и Вольного, а главными татарскими переправами были Таволжанская и Кичкасская (Schottin 1866: 208—210). Г. Левасер де Боплан также свидетельствует, что татары переправлялись вплавь между Будиловским и Таволжанским порогами (Le Vasseur de Beauplan 1660: 20). Количество сходов на берег по пути через пороги у Э. Лясоты совпадает с количеством порогов, описанных Константином Багрянородным, что, очевидно, объяснялось приблизительно одинаковой посадкой судов XVI в. и груженных купеческих древнерусских. Самым же опасным местом в плане возможности нападения кочевников в XVI—XVII вв., как и в X в., оставался Ненасытецкий порог.

Неудивительно, что когда в 1910 г. при поддержке Д. И. Яворницкого возник проект обозначения места гибели князя Святослава

мемориальной доской, выбор пал именно на Ненасытец, сохранявший свое древнерусское название до XX в. В 1912 г. заказ на такую доску от Одесского отдела Императорского Русского военно-исторического общества получил одесский скульптор Б. Эдуардс, а в 1913 г. чугунная плита с надписью «Въ 972 году у Днѣпровскихъ пороговъ палъ въ неравномъ бою съ печенѣгами русскій витязь князь Святославъ Игоревичъ» была установлена на выступающей из реки скале Монастырко Ненасытецкого порога, затопленного в 1932 г. В 1947 г. плиту демонтировали с обнажившегося после взрыва плотины ГЭС порога и перенесли в с. Никольское-на-Днѣпре (на правом берегу реки), а в 1952 г. поврежденную доску заменили копией (Старостин 2010). Таким образом, символический замысел Д. И. Яворницкого оказался нарушенным, и сейчас доска расположена на правом берегу, хотя высадка экипажей судов для обхода Ненасытецкого порога происходила в древности на левом берегу Днепра.

Легенды

Гибель князя Святослава начала обрывать легендами уже при его современниках, ярким примером чего является рассказ о создании печенежским ханом Курей чаши из черепа Святослава. Продолжился этот процесс и в XV—XVI вв., когда в летописях (Ермолинской, Софийской, «своде 1497», Уваровской, Львовской и др.) появились дополнительные рассказы о надписи на чаше («чюжихъ ища, своя погуби», «чюжихъ паче силы желая, и своя си погуби за премногую его несытость» и подобные), подробности о её хранении «въ казнахъ князей печенѣзкихъ», а затем и рассказы об аналогичных чашах, окованных серебром, сделанных из черепов воинов Святослава (Амелькин 2003). Развитие легендарного сюжета происходило в книжной среде, обставляя его подробностями, следующими из логики самого летописного нарратива.

А вот богатая легендами и преданиями народная память жителей Поднепровья непосредственно со Святославом ни одного места не связывала — даже знаменитым собирателям исторических рассказов Я. П. Новицкому и Д. И. Яворницкому не посчастливилось встретить такой информации. Исключением является лишь нечеткое упоминание В. Ф. Розанова (Гавриила) «о кочевании Печенегов около днепровских порогов, где и ныне [1828 г.] находится могила, называемая Святославою, по имени Святослава,

князя Российского» (Вечерков 1910: 42), которое повторяет А.Г. Макаревский (Феодосий) (Макаревский 1880: 44). Подобная информация о «могиле Святослава», не подтверждаемая другими источниками, вполне могла быть «книжного» происхождения, заимствованной из произведений историков XVIII в., уверенно писавших, что Святослав «скончался в 972 на Днепровских порогах в бою с Печенегами, утонув во Днепре, жил 52 года, погребен близ оных же порогов» (Мальгин 1789: 3; Екатерина II 1901: 59). В данном случае речь идёт о «логическом прочтении»: раз пишется, что «утопший» князь погребён у порогов, значит, известна и его могила.

В. Борисов предположил, что памятью о битве Святослава является само название одного из днепровских порогов — Княжий, Княгинин, Княгинец (Борисов 1910: 121), позже — «Тягинская забора» выше Ненасытецкого порога. Древнейшая известная форма названия порога у Э. Лясоты (1594 г.) и в «Книге Большому Чертежу» (1627 г.) — Kniezini, «Княгинин» (Книга Большому Чертежу 1950: 111); Э. Лясота также упоминает об остановке ниже порога на Knieziny Ostrow (Schottin 1866: 209) — «Княгинином острове». По Д.И. Яворницкому, в росписи 1697 г. «Княгининым» назван остров выше порога (Эварницкий 1898: 70—71), что либо ошибка, либо название не было устойчивым и распространялось на несколько островов вокруг порога. У А. Лызлова (1692 г.) содержится объяснение названия: «порог Княгинин — отдавна поведают, якобы некая княгиня утопе тамо» (Лызлов 1990: 130). С неясным по происхождению известием Т.С. Мальгина о смерти Святослава данную легенду роднит сюжет об утоплении княжеской особы.

Тягинская забора на самом деле не представляла серьёзной угрозы для судоходства на участке, поскольку преграждала лишь часть Днепра от правого берега до о. Козлова, в то время как между островом и левым берегом оставался широкий проход. Интереснее «Княгинин» остров — согласно Э. Лясоте, последняя безопасная остановка перед преодолением Ненасытецкого порога при сплаве, или же первое место отдыха после прохождения порога при подъёме вверх по течению. Учитывая существование цикла местных легенд о путешествии княгини Ольги по Днепру в Константинополь с привязкой мест её остановок к конкретным островам, есть высокая доля вероятности, что своё название Княгинин остров получил именно как одно из обязательных мест остановки караванов

судов, на котором могла бы останавливаться и княгиня Ольга.

Археологические поиски

Добавить в решение проблемы локализации места гибели Святослава археологические источники первым попытался А.Д. Чертков, который вспомнил рассказ А.Н. Оленина о вылове рыбаками «лет 30 назад» (до 1813 г.) в Днепровских порогах серебряного (на самом деле посеребренного медного) византийского сосуда с монетами Никифора Фоки (963—969 гг.) и Иоанна Цимисхия (969—976 гг.) (Чертков 1843: 209—210; Кропоткин 1962: 31). Исследователь считал находку безусловным свидетельством гибели Святослава именно в порогах, хотя подробной информацией о локализации места, к сожалению, не обладал.

Описывая Пурисовы острова ниже Вольнянского порога, Д.И. Яворницкий отметил на поверхности ближайшего к порогу Малого Дубового острова большое количество костей людей, не поддающихся датировке, которые могли принадлежать казацкой или древнерусской эпохе, попутно назвав «слишком смелым» предположение об их принадлежности жертвам битвы Святослава с печенегами (Эварницкий 1898: 82—83). Небольшие раскопки на острове провел Я.П. Новицкий, который нашел обезглавленные скелеты, черепа без шейных позвонков и разрозненные кости, назвав в качестве возможного исторического объяснения события войны с татарами, половцами, печенегами, в т.ч. и знаменитый поход Святослава 972 г. (Новицкий 2007, 1: 155—156). Эти общие фразы позже дали богатую пищу для предположений краеведов, но записи Я.П. Новицкого позволяют уверенно исключить жертв Пурисовых островов из древнерусского периода: по опросу местных жителей, напротив острова располагались «покопанные городки (редуты)», а в 1845 г. на самом острове была размыта яма, наполненная человеческими костями, в которой находились кремневые ружья, сабли, пули (Новицкий 2007, 2: 223—225).

В 1912 г. у с. Малая Перецепина Полтавской губернии был найден «клад» — один из самых богатых археологических комплексов раннего средневековья Восточной Европы. И.А. Зарецкий ошибочно интерпретировал монету императора Фоки (602—610 гг.) из комплекса как чеканенную в правление Никифора Фоки (912—969 гг.), датировав сокровище X в. (Зарецкий 1912: 202—204). По свидетельству Н.Е. Макаренко, богатство

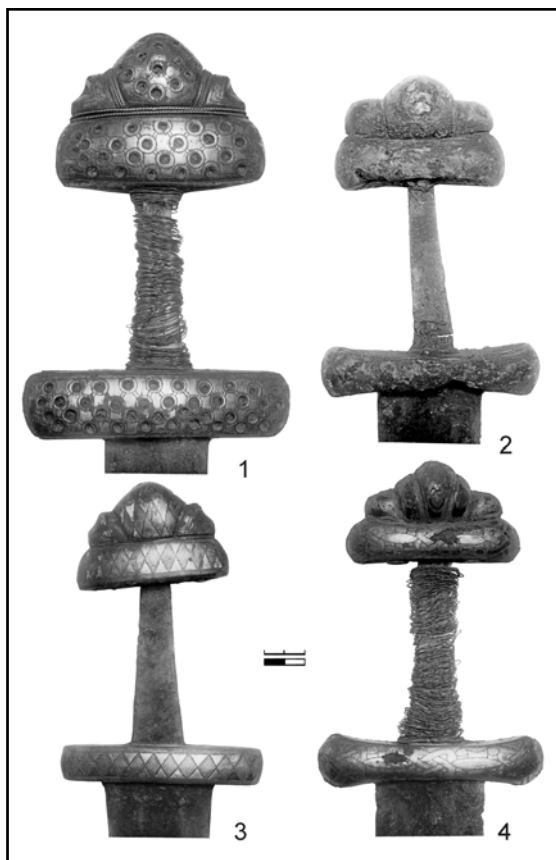

Рис. 3. Рукояти мечей, найденных в 1928 г. в котловане плотины ДнепроГЭС (Научный архив ИА НАНУ. Ф. 18. № 30).

Fig. 3. Handles of swords found in the DnieproGES dam ditch in 1928 (Scientific archive of the IA NASU. F. 18, no. 30).

комплекса немедленно вызвало сообщение в печати о «дарах императора Никифора Фоки князю Святославу» (Макаренко 1912: 211), но выразительный набор хорошо датированных византийских предметов VII в. довольно быстро развеял иллюзии и надежды на связь находки с князем Святославом.

Новый повод археологии вмешаться в вопрос о локализации места гибели Святослава дала находка в ноябре 1928 г. 5 мечей X в. в котловане строительства ДнепроГЭС (рис. 3). Рассмотрев клейма на клинках мечей и центры их производства, В.И. Равдоникас не обошел вопрос причин попадания самих мечей в воды Днепра, связав их с нападением печенегов на русов в районе Крайской (Кичкасской) переправы, с риторическим вопросом: «Не здесь ли, вблизи Кичкаса, рядом с нынешней плотинкой Днепрогэса, нашел свою гибель Святослав?» (Равдоникас 1933: 598—616). И хотя исследователь сразу же заметил, что вовсе не настаивает на таком объяснении, озвучив также и версию о гибели ку-

печеского судна, именно его немедленно выделил как главный вывод статьи М.Г. Худяков в обзоре сборника (Худяков 1935: 193).

Б.А. Рыбаков сначала также писал о Крайской переправе: «Именно здесь и был убит князь Святослав, возвращавшийся из Византии. Если эти мечи не были мечами Святославовой дружины, то они могли быть частью товарной партии мечей, шедшей через Киев по Днепру и затонувшей в результате нападения печенегов» (Рыбаков 1948: 328—329). Впоследствии акцент локализации находки почему-то сместился на «пороги», что уже лучше согласовывалось с обстоятельствами гибели Святослава по летописи (Рыбаков 1964: 47; 1982: 383; 1984: 200). Именно в таком виде — как «мечи из днепровских порогов» или «с места гибели дружины Святослава» — иллюстрация обычно и повторялась позже в различных исторических и научно-популярных изданиях.

Среди археологов версия связи днепростроевских мечей со Святославом не получила распространения и повторялась преимущественно со ссылкой на мнение Б.А. Рыбакова (Лебедев 2005: 574). Г.Ф. Корзухина и А.Н. Кирпичников склонялись к версии о гибели купеческого судна с партией мечей для продажи (Корзухина 1954: 37; Кирпичников 1966: 38; 2007: 84), а Ф.А. Андрощук и В. Дучко аргументировали принадлежность мечей к древнегерманской традиции жертвования оружия в воду (Андрощук 2001: 130—132; Duczko 2004: 251).

Тем не менее, находка 1928 г. вдохновила писателя С.Д. Скляренко описать сцену последнего боя Святослава в романе «Святослав» (1959 г.) как происходящую на северной оконечности о. Хортица возле Черной скалы. Благодаря популярности романа, на Черной скале позже был установлен охранный знак УССР с надписью: «Вероятное место гибели киевского князя Святослава Игоревича в 972 г.». По невероятному совпадению, в 2011 г. к северу от Черной скалы со дна Днепра был зацеплен и поднят ещё один меч X в. (рис. 4), что вызвало новый импульс для обсуждения проблемы локализации места гибели Святослава возле о. Хортица (Сокульский, Сокульский 2012; Остапенко, Нефёдов 2013; Саричев 2013).

Мечи 1928 г. обнаружены в ок. 1,3 км к северо-востоку от Хортицы в котловане левого протока строительства плотины Днепровской ГЭС между о. Черным и левым берегом Днепра (ближе к самому берегу), принадлежащем к землям с. Вознесенка (рис. 2; 5). Находку было бы ошибкой назы-

вать «случайной», поскольку в 1928—1930 гг. Днепростроевской экспедицией производился археологический надзор за земельными работами в котлованах плотины (см. подробнее: Комар 2014). Согласно отчету и дневникам В.А. Гринченко, сломанный меч без рукояти обнаружен на глубине 3 м глубже дна или 7—8 м ниже поверхности воды, тогда как 4 остальных меча залежали минимум на 1 м ниже (Гринченко 1929: 19), что свидетельствует, по крайней мере, о двух разделенных во времени событиях.

Н.А. Чернышев в своей публикации в качестве сопроводительных находок мечам назвал «сильно деформированный медный клепанный котел, саблю XVI в. с железной крестообразной рукоятью, несколько золотых и бронзовых монет и две поздние амфоры» (Чернышев 1963: 211), создав иллюзию разнообразия материала. Но этот перечень лишь искусственно объединяет наиболее яркие находки из всех трёх котлованов плотины (и даже вне их) за три года археологических наблюдений.

Реальный археологический контекст мечей ограничивается всего несколькими амфорными обломками с широкой датой, тогда как основная масса датированного керамического материала из котлована левого протока, полученного наблюдениями 1928—1929 гг., относится к XII—XIV вв. (Строкова 1983: 29), т.е. ко времени функционирования рядом, на правом и левом берегу Днепра, двух синхронных древнерусских поселений (Брайчевська 1962: 157—167; Сміленко 1975: 178—187; Козловський 1992: 111—113). Даже в отдаленной близости с мечами не было обнаружено ни остатков таке-лажа судна, ни других предметов вооружения, ни украшений, ни бытовых предметов X в., хотя из того же котлована происходят медный котелок, полый паяный серебряный браслет и ромбовидный наконечник стрелы XII—XIV вв.

Обилие в котлованах плотины материалов XII—XIV вв., а также два синхронных поселения напротив на разных берегах, могут свидетельствовать, что в указанный период на месте нынешней плотины ДнепроГЭС существовал лодочный перевоз. К такому же предположению относительно предшествующего времени подталкивает обнаружение летом 1928 г. в котловане правого протока клада античных бронзовых монет I в. до н.э. (Яворницький 2010а: 29).

Предложенная В.И. Равдоникасом и повторяющаяся с его подачи в последующей литературе привязка находки 1928 г. к Кич-

Рис. 4. Меч, обнаруженный в 2011 г. возле о. Хортица (по Остапенко, Нефёдов 2013: 54).

Fig. 4. Sword found near Khortitsa island in 2011 (after Остапенко, Нефёдов 2013: 54).

касской («Крарийской») переправе является безусловной ошибкой — Кичкасская переправа XIX—XX вв. располагалась в 1,2 км выше по течению, где Днепр резко сужался до 180 м, а двумя километрами выше, в «Волчьей глотке» — до 160 м (рис. 2). Мощность печенежского лука действительно позволяла простреливать здесь всю ширину реки. Но следует заметить, что под обстрелом лодки могли потерять управление и перевернуться, потеряв весь товар и оставив кочевников без добычи, поэтому такая засада имела смысл только против купцов, готовых ради сохранения жизни добровольно пристать к берегу и отдать имущество. Воинам же пришлось бы бросить весла и, прикрывшись щитами, дрейфовать вниз по течению.

Что касается возможности нападения кочевников ниже переправы, у Черного острова, то, учитывая ширину Днепра на данном участке (ок. 590 м), было бы верхом неосторожности двигаться не фарватером между островами Черным («Большим») и Стрелецким («Малым лозоватым»), а тем более подходить под левый берег. В зоне котлована плотины левого протока на крупномасштабных картах 1920-х гг. не значится ни камней, ни мелей; абсолютно безопасными для древнерусских лодок были и глубины (4—7 м). Полное отсут-

ствие рядом с мечами любых других находок X в., а также неоднократность попадания мечей в воды Днепра именно в данном месте, решительно противоречат версии о крушении судна или его гибели под обстрелом кочевнических лучников.

Новый всплеск интереса к локализации места гибели Святослава вызвал меч 2011 г. (рис. 4). Исследование в 2012 г. дна Днепра в районе обнаружения хортицкого меча не принесло никаких дополнительных результатов (Остапенко, Нефьодов 2013: 52). Вновь ни следов кораблекрушения, ни военных действий древнерусского времени; вновь место, никак не подходящее для нападения кочевников. Находка меча рядом с Хортицей, где, по свидетельству Константина, русы специально останавливались для совершения жертвоприношений (Константин Багрянородный 1991: 48—49), скорее, склоняет чашу весов в пользу «жертвенной» версии происхождения днепровских мечей.

В то же время, интересен сам факт расположения меча X в. на поверхности современного речного дна, тогда как днепростроевские мечи залегали глубоко в толще донных отложений. После начала строительства плотины ДнепроГЭС ситуация с донными отложениями Днепра ниже по течению неоднократно поддавалась сильнейшему антропогенному влиянию. Сначала причиной стало поочередное перекрытие протоков плотины в 1928—1930 гг., разрушительное влияние которого описал Г.Г. Мартенс на примере котлована среднего протока в 1930 г., обнаженного искусственно усиленным течением до материкового камня (Мартенс 1931: 41). Ещё раз ситуация повторилась после взрывов плотины ГЭС в 1941 и 1943 гг. Следствием резкого усиления течения могло быть как размывание верхних слоев донных отложений в районе о. Хортица, так и перемещение массы отложений вместе с содержащимися в них археологическими артефактами в направлении от плотины к острову. Это могло полностью избавить хортицкий меч от его археологического контекста, и даже само место находки становится условным.

Единственное, что можно констатировать с уверенностью, и хортицкий, и днепростроевские мечи попадали в воду с судов, а не с берега, и затапливались на достаточно большой глубине, не позволявшей потенциальному ныряльщику легко найти и поднять оружие на поверхность. Если речь идет о ритуале, то он, несомненно, имеет древнегерманские корни. Об этом же косвенно свидетельствует выразительный скандинавский характер бо-

гатого оформления всех пяти сохранившихся рукоятей мечей, а также тот факт, что ни один из них не принадлежал к рядовым.

Рукояти двух мечей 1928 г. (рис. 3: 2, 4) типа S по Я. Петерсену, две других — типов T1 и T2 (рис. 3: 1, 3); хортицкий меч 2011 г. (рис. 4) оснащен рукоятью типа V (вариант с трехчастным навершием) (Petersen 1919; Андрощук 2013). Использование мечей типов S, T1, T2 приходится на последнюю треть X — начало XI в. (Андрощук 2010: 72—87; 2013: 137—166). Следует отметить, что днепростроевский меч типа T1 (рис. 3: 1) полностью повторяет декор более ранних мечей типа E2 (Каинов 2001: 57—58), а хортицкий типа V украшен трехчастным навершием не сегментовидной, а скорее «подтреугольной» формы (рис. 4: 3), что роднит его с навершиями рукоятей типа T2. Для двух указанных мечей индивидуальное сочетание признаков вполне допускает дату в рамках 60—80-х гг. X в., включая эпизод гибели Святослава. А вот мечи типа S несколько позже как по времени появления, так и по выходу из употребления (Андрощук 2013: 70, 147—148, 163—166), и если они действительно попали на дно Днепра одновременно с другими, такой комплекс должен датироваться позднее времени правления Святослава.

Находки мечей 2-й пол. X в. на дне Днепра в зоне между островами Хортицей и Черным — несомненно, интереснейшее археологическое явление, которое, тем не менее, на современном этапе не может быть связанным ни прямо, ни косвенно с обстоятельствами смерти князя Святослава Игоревича. Его истоки, скорее, следует связывать с идеологическими представлениями варяжской (скандинавской) части путешественников по пути из Варяг в Греки, а также с особенностями военно-политической ситуации на степном участке пути, сложившейся уже после гибели князя Святослава.

К сожалению, после создания водохранилища и затопления порогов в 1932 г. надежд на новый археологический материал, способный прояснить вероятное место гибели Святослава или любой другой древней битвы на порогах, в настоящее время немного. Затоплены обширные участки, уничтожены культурные слои и целые памятники, берега и поныне активно разрушаются эрозией. Перемещённые размывами артефакты в зоне прежней береговой линии погребены на значительной глубине в слое ила и до гипотетического спуска водохранилища не доступны для планомерных исследований.

Рис. 5. В.А. Гринченко и сотрудники Днепростроевской экспедиции осматривают находки Вознесенского комплекса в Днепропетровском музее. 1930 г. (по Попандопуло 2012: 269).

Fig. 5. V.A. Grinchenko and fellow workers of the Dnieprostroi expedition look at the Voznesenka complex finds in the Dnepropetrovsk Museum, 1930 (after Попандопуло 2012: 269).

Археологическая мистификация

Если рассмотренные выше историографические направления опирались на разрозненные фактические источники, лишь гипотетически позволяющие связать отдельные находки с местом гибели Святослава, другая историографическая линия утверждает, что кремационная могила Святослава и его воинов уже обнаружена и исследовалась археологами ещё до сооружения Днепровского водохранилища в 1932 г., но в силу целого ряда причин оказалась неправильно понятой и атрибутированной.

Начало истории положило открытие В.А. Гринченко в 1930 г. на северо-восток от с. Вознесенка (совр.г. Запорожье) (рис. 2) яркого археологического комплекса в виде большой каменной постройки размерами 82×51 м с ритуальной ямой, в которую были сложены частично обожженные комплекты снаряжения коня (не менее 40), комплекты оружия и поясов (по 3), две серебряные статуэтки львов и одна орла, а также многие другие предметы конца VII — начала VIII вв. (Гринченко 1950).

Открытие произошло в разгар «сталинских чисток», уже в 1933 г. затронувших Днепростроевскую экспедицию и Днепропетровский краевой историко-археологический музей. Краткое сообщение об открытии Вознесенского комплекса вошло в отчет Д.И. Яворницкого о работах экспедиции за 1930 г. (Яворницкий 2010б: 40—42), напечатанного в 1933 г. в выпуске 4—5 «Хроники археологии и искусства», тираж которого был сразу же полностью уничтожен (Білокінь 2008: 229—230). В Днепропетровском музее параллельно готовился второй том «Сборника», который после массовых репрессий 1933 г. так и не был завершён, а его материалы передали в 1934 г. в Киев (Ковальова 2003: 7—8). Институт истории материальной культуры АН УССР в 1934 году озвучил намерение напечатать отдельным томом полевые отчеты Днепростроевской экспедиции за 1928—1932 гг. (Козубовський 1934: 10), а сбор и ревизию имеющейся архивной документации поручили уцелевшему В.А. Гринченко. В 1934—1936 гг. участники Днепростроевской экспедиции, пережившие первую волну репрессий, по просьбе ИИМК прислали свои статьи, которые долж-

ны были войти в выпуск «Археологии», ликвидированный на этапе уже собранного номера (Миллер 1938: 15—17). В 1938 г. В. А. Гринченко был также репрессирован и выслан, но в 1939 г. Институт археологии АН УССР всё же завершил подготовку к печати первой части материалов работ Днепроостровской экспедиции, второй том готовился в 1940 г. (Фещенко 1940: 4—5). Ни один из них к началу войны издать так и не удалось, а далее редакционные портфели сборников были расформированы и частично утрачены.

Один из участников Днепроостровской экспедиции — таганрогский археолог М. А. Миллер, остался в оккупации, где в 1942—1945 гг. активно сотрудничал с SD и Ahnenerbe (Тесленко, Фанигин 2008: 82—90). В 1943 г. он уехал в Германию, а затем в Вену; после капитуляции некоторое время преподавал в гимназии для украинских беженцев в Геттингене, благодаря чему завязал контакты с местной украинской диаспорой. В 1946 г. М. А. Миллер получил возможность снова заниматься научной деятельностью, работая в общественном Украинском морском институте, а с 1951 г. уже официально в американском Институте изучения СССР в Мюнхене. Считая основную часть документации и коллекций экспедиции утраченными или распорошенными во время войны, а её сотрудников — репрессированными еще в 30-х гг., исследователь возложил на себя «миссию» сведения и публикации всех имеющихся в его распоряжении материалов. Первая серия таких публикаций вышла в 1946—1948 гг. за счет украинской диаспоры в виде малотиражных ротапринтных брошюр, среди которых была и работа «Могила князя Святослава» (Миллер 1946), переизданная впоследствии в Канаде (Миллер 1951).

Брошюра М. А. Миллера посвящена Вознесенскому археологическому комплексу, получившему у него неверное название «Кичкасский клад». Пересказ краткого отчета о раскопках В. А. Гринченко сопровождался лишь неточным эскизным планом местности, без иллюстраций материалов комплекса. Мотивируя необходимость такой публикации, автор утверждал, что В. А. Гринченко сразу же после открытия погиб: «Он был схвачен НКВД и бесследно исчез. Вместе с ним исчезли и описательные материалы, которые были у него — дневники раскопок, планы, чертежи, рисунки, фото и т. д. Со времен находки прошло уже более 19 лет. Исчезли уже и другие свидетели этих событий. Далее молчать нельзя, и я считаю своим долгом опубликовать вышеприведенные факты, к сведению украин-

ских археологов, историков и всего общества» (Миллер 1951: 12).

Повторяя вывод отчета В. А. Гринченко о ближайших аналогиях комплекса в виде Перещепинского комплекса VII в., М. А. Миллер неожиданно констатирует: «без всякого сомнения можем сказать следующее: здесь, в 10 в. был похоронен путем трупосожжения со всем имуществом, и последующим захоронением в земле останков, — какой-то выдающийся воин — князь, возвращавшийся с добычей из Византии на Украину, и погибший у порогов. Кто бы это мог быть, кроме киевского князя Святослава?». Несколько последующих страниц рассуждений о совпадении места гибели Святослава и подробностей «Кичкасского захоронения» венчались пространным пафосным выводом: «На том же месте должен быть построен памятник украинскому князю — рыцарю Святославу, а гора получить название “горы Святослава”. Это мы завещаем молодым украинским археологам, историкам и политикам. Верим, что в ближайшем будущем условия жизни и развития Украины радикально изменятся и государством будет править народ, который в нем живет. Начнется “третий расцвет”, и тогда мы сможем оглянуться назад и почтить память великих сыновей Украины на вечные времена. К числу таких национальных героев принадлежит и князь Святослав, о котором еще далеко не сказано последнего слова. [...] В этой связи историческая фигура Святослава, а вместе с тем, и вопросы его могилы и памятника, подносятся на новую высоту и приобретают новое значение в цикле национально-политических задач, стоящих перед украинским народом» (Миллер 1951: 13—15).

Немедленно после выхода первого издания работы М. А. Миллер получил письмо еще от одного археолога-эмигранта П. П. Куринного, который заметил: «Имеете ли для этих трудов больше иллюстративного материала? Обязательно должны их издать в лучшем виде от УВАН [Украинской Вольной академии наук]. Жаль, что Святославова могила все же попала не в Ваши руки. При осмотре клада в Екатеринославском Музее мне почему-то казалось, что дата его должна была бы быть старше (VII—VIII вв.). Если это действительно была могила, тогда дело другое» (Миллер 1947: 57).

В статье-ответе на письмо П. П. Куринного М. А. Миллер, не приводя новых подробностей о комплексе и опять не анализируя находок на предмет их сходства с древнерусской культурой X в., целиком сосредотачивается на сравнении состава «Кичкасского»

Рис. 6. М.А. Миллер и Д.И. Яворницкий на раскопках стоянки Игрень. 1932 г. (Научный архив ИА НАНУ. Негатив №924).

Fig. 6. M.A. Miller and D.I. Javornytsky at the Igren site excavations, 1932 (Scientific archive of the Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine. No.924).

и Перещепинского комплексов, пытаясь доказать, что состав инвентаря в первом случае отвечает именно захоронению, а не кладу, а его хронологическая позиция позднее Перещепины. Автор то апеллирует к устному авторитетному мнению византиниста Л.А. Мацулевича, то неожиданно заявляет, что византийская культура позже VI—VII вв. не изучена и не известна. Разыгрывая карту неясности обряда и стратиграфического соотношения «клада» и «городища», М.А. Миллер снова утверждал, что В.А. Гринченко — «совсем молодой исследователь, не имел знаний ни теоретических, ни практических, он “не ведал, что творил”, выкапывая вещи механически, без понимания достопримечательности и нужного к ее исследованию метода». Правда, в плане даты и идентификации комплекса статья резко сдала в уверенности, относя его «к 9-му, возможно, и к 10-му веку», а «могила Святослава, конечно, пока гипотеза» (Миллер 1947: 58—60).

Между тем, пока УВАН подготовила переиздание книги М.А. Миллера в Канаде (1951), в СССР в 1950 г. вышла краткая предварительная публикация Вознесенского комплекса В.А. Гринченко, в которой памятник уверен-

но датировался началом VIII в. и связывался с ранними славянами или хазарами (Гринченко 1950). Параллельно Б.А. Рыбаков издал графические таблицы находок из Вознесенки (ошибочно названной «Воскресенским»), датировав комплекс VIII в. и объединив в одну группу с салтовскими кремационными могильниками из Новопокровки и Борисово, предположив, что они отражают «дружинную культуру» славян VIII в. (Рыбаков 1950: 11—14) или «ранних русов» (Рыбаков 1953: 102—103). Л.А. Мацулевич, изучавший в 1931 г. материалы Вознесенского комплекса в Днепропетровском музее, позже посвятил отдельную статью византийской фигурке орла, датировав весь комплекс второй половиной VII в. или рубежом VII и VIII вв., но не пытаясь определить его принадлежность конкретному народу (Мацулевич 1959).

Получив доступ к советской археологической литературе с 1951 г. через Институт изучения СССР, М.А. Миллер не мог не узнать о появлении публикации В.А. Гринченко. Уже в работе 1956 г. он относит «Кичкасский клад» к «памятникам северокавказской культуры и антов», резюмируя: «Общие обстоятельства настолько совпадают с лето-

писными сведениями о гибели Святослава, что некоторые из археологов посчитали это место за могилу Святослава, хотя по аналогии с Перещепинским кладом она может быть и несколько более ранней (8 в.)» (Миллер 1956: 158—159). Крайне неожиданный поворот от самого же автора идеи! Один из биографов М. А. Миллера — Я. И. Пастернак — в своей обобщающей монографии, пересказывая по М. А. Миллеру состав Вознесенского комплекса, тем не менее, о Святославе не обмолвился вообще и датировал памятник VII—VIII вв. (Пастернак 1961: 516—517).

Гипотеза М. А. Миллера, как и многие другие эпизоды диаспорной украинской историографии, прошла мимо внимания советских исследователей. В Украине (в т. ч. и автору данных строк) она стала известной лишь в 1993 г. благодаря публикации работы «Могила Святослава» в газете «Старожитності» (ч. 7—8; 9—10) в показательной рубрике «Книжка из дальних сундуков». Впрочем, как оказалось, далеко не все восприняли труд М. А. Миллера как раритетное недоразумение, в частности, ее тезисы приняли на вооружение Ю. А. Шилов (Шилов 2001: 246) и Г. И. Шаповалов (Шаповалов 2002; 2003), со ссылкой на которых утверждение о тождестве Вознесенского комплекса могиле Святослава начало широко тиражироваться в трудах далеких от археологии представителей гуманитарных наук, а после его повторения Г. А. Лозко — еще и получило распространение в среде т. н. «родноверов» (Сморжевская 2010: 183).

Благодаря активной пропаганде гипотезы М. А. Миллера директором Запорожского областного краеведческого музея Г. И. Шаповаловым в газетах и популярных изданиях, она настолько прочно закрепилась в краеведческой литературе, что в 2005 г. на Вознесенской горке г. Запорожье таки был установлен 5-метровый памятник князю Святославу (работы российского скульптора В. Клыкова), таким образом, окончательно выполнив завещание М. А. Миллера «украинским патриотам». Там же, в Запорожье, вышли и научные переиздания работы М. А. Миллера, подготовленные О. В. Дровосековой с краткими критическими комментариями (Дровосекова 2009; 2010).

Наконец, дискуссия о тождественности Вознесенского комплекса могиле князя Святослава перекинулась на страницы не только локальных музейных, но даже и профессиональных археологических изданий. В очередном выпуске сборника «Проблемы археологии Поднепровья» за 2012 г. отстаиванию ги-

потезы М. А. Миллера посвящена статья А. В. Билецкого (Білецький 2012). Видимость научности данному сочинению в жанре «наивной археологии» придают не только ВАКовский статус издания, но и длинная история, хорошая репутация и солидная редколлегия сборника из известных археологов. И всё же, такой ход со стороны поклонников «миллериан» откровенно переходит границу благоразумия, прямо задевая археологов, ранее лишь с иронией наблюдавших за развитием течения.

По утверждению А. В. Билецкого, им «пересмотрена традиционная для советской и современной украинской историографии дата известного Вознесенского захоронения — VIII в.; на основании анализа вещественных находок захоронения, автор датирует его X в. и высказывает предположение относительно принадлежности князю Святославу». Правда, в отличие от своих предшественников, дипломатично переводивших всю ответственность за аргументацию гипотезы на самого М. А. Миллера, автор решительно берется самостоятельно «уточнить хронологические рамки данного захоронения путем анализа его вещевого инвентаря» (Білецький 2012: 40).

В исполнении преподавателя лесотехнического колледжа хронологический анализ достигается весьма специфическим методом — путем сравнения вырванных из контекста оценочных цитат из отдельных избранных им авторов-археологов, ни разу (sic!) не ссылаясь при этом на рисунок вещи или таблицу в публикациях, при полном отсутствии своих иллюстраций. Последствия «метода» предсказуемы: «легким движением пера» танский палаш с косо срезанным острием оказывается тождественным «сабле Карла Великого»; прессованные кочевнические бляшки сбруи — литым древнерусским застегкам-аграфам; глиняное пряслице из сарматского захоронения — древнерусским пиррофиллитовым; трехлопастные наконечники стрел превращаются в трехгранные; декоративные серебряные гвоздики и заклепки — в корабельные гвозди и заклепки; керамика типа Канцирки — в салтовскую и т. д.; уже не говоря о том, куда автора заводят «стилистические аналогии». Настоящим же апогеем «вещеведческих студий» статьи является установление даты панциря из скифского захоронения кургана №8 могильника Вознесенки. Фото бляшек панциря, зачем-то помещенное М. Ю. Видейко в научно-популярном очерке о раннесредневековом Вознесенском комплексе (Видейко 2009: 169), вдохновило горе-типолога на несколькостраничный «мозговой

№5. 2014

штурм», итогом которого стал вывод о принадлежности скифского панциря византийскому катафрактарию X в.!

Постоянно апеллируя к «архивному фотоотчету» В.А. Гринченко со ссылкой на ту же работу М.Ю. Видейко, автор демонстрирует, что сам к архиву даже не приближался. Опыта самостоятельной работы с какой-либо категорией археологических источников также не наблюдается. Но это лишь вершина айсберга. За время после введения Вознесенского комплекса в научный оборот накоплено около полутора сотен работ более чем 4-х десятков исследователей, в которых в той или иной степени рассматриваются общие и частные проблемы его состава, интерпретации и датировки, аналогий, стилистики и техники исполнения предметов комплекса. Из них А.В. Билецким удостоены внимания лишь несколько публикаций А.К. Амброза, А.Т. Смиленко и М.Ю. Брайчевского, при этом без объяснений выпущены более важные работы этих же исследователей. Не обращая никакого внимания на датировку комплекса археологами-русистами Б.А. Рыбаковым и П.П. Толочко, А.В. Билецкий, похоже, даже не задумывается, почему же такой выдающийся памятник, как «могила Святослава», дружно проигнорировали как минимум 4 поколения специалистов по древнерусской археологии!

Аналогично себя ведут и другие сторонники гипотезы М.А. Миллера, пытаясь комфортно спрятаться за тезисы о «неопытности исследователя», «утраченной коллекции», «утраченной документации» и «запрещенной в СССР» книге. Неужели его труды действительно содержат какое-то «откровение», десятилетиями скрываемое от ученых?

«Теорию заговора» обожают дилетанты, поскольку сам факт знакомства с «запрещенной книгой», которая сохранила сведения о чем-то исчезнувшем, уничтоженном, скрытом, уже выглядит почти тождественным знакомству с истиной. В случае с Вознесенским комплексом интрига оказывается совершенно искусственной. В.А. Гринченко действительно был репрессирован в 1938 г., но еще раньше успел полностью подготовить к печати Вознесенский комплекс с альбомом фотографических и графических иллюстраций. В фонде Днепростроевской экспедиции Научного архива Института археологии НАНУ также хранятся рукописные и печатные дневники раскопок памятника, отдельные черновые чертежи, полевой реестр находок. После возвращения В.А. Гринченко из ссылки и его смерти в архив Института ар-

хеологии поступили авторские копии отчетов, фотографии, черновики, планы и выписки, то есть фактически весь объем документации о Вознесенском комплексе, которым владел сам В.А. Гринченко. Не погибла целиком и коллекция материалов, которая сейчас разделена между музеями Днепропетровска, Харькова, Киева и Запорожья. Единственным препятствием к ее изданию остается депаспортизация и распыление большей части довоенных коллекций Харьковского исторического музея, выделение среди которых материалов Вознесенки требует кропотливой комплексной фондовой работы. Что касается собственно архивных материалов, то они систематизированы и подготовлены к печати автором настоящей статьи.

Почему ни архив В.А. Гринченко, ни сохранившиеся коллекции никогда не интересовали последователей М.А. Миллера? Ответ, в первую очередь, следует искать в том имидже В.А. Гринченко, который навязал М.А. Миллер своими публикациями. Постоянно намекая на «неопытность» В.А. Гринченко, М.А. Миллер создавал у читателей впечатление владения эксклюзивной информацией, которую не понял и не распознал «молодой исследователь». Впрочем, уже О.В. Дровосекова справедливо заметила, что на момент раскопок Вознесенского комплекса в мае 1930 г. М.А. Миллер всё ещё оставался в Таганроге (Дровосекова 2010: 7—8). По состоянию на 23 мая В.А. Гринченко вырезал монолитом «клад» и за последующую неделю перевез его в Днепропетровский музей, где его разборкой занялись в камеральных условиях. В письме от 5 июня П.И. Смоличев спрашивал Д.И. Яворницкого, завершена ли уже разборка вырезки? (Епістолярна спадщина... 2012: 539, 541). М.А. Миллер смог прибыть в Днепропетровск только 25 июня, а раскопки у Вознесенки, согласно дневнику, проводил с 28 июня по 20 августа, исследуя обособленную восточную часть могильника. Поэтому ни свидетелем, ни участником исследования раннесредневекового комплекса он не являлся, а всю «избыточную» информацию мог получить исключительно из слухов и пересказов.

В.А. Гринченко (1900—1948) попал в Днепростроевскую экспедицию в качестве выпускника Днепропетровского института народного образования, но перед вступлением в него в 1921—1925 гг. работал лаборантом археологического отдела Центрального пролетарского музея Полтавы, участвуя в раскопках памятников разных эпох под руководством М.Я. Рудинского (Нестуля 2007:

114—115). Работу на Днепрострое он начал в качестве ассистента опытейшего С. С. Гамченко на древнерусском Кичкасском поселении и курганах, но уже в письме от 22.06.1928 г. П. И. Смоличев писал Д. И. Яворницкому о готовности В. А. Гринченко к самостоятельной работе (Епістолярна спадщина... 2012: 523). И действительно, до конца года В. А. Гринченко провел серию самостоятельных исследований и раскопок на 6 памятниках, исследовав ряд курганов, золотоордынский могильник Крыничное, а также провел наблюдения за выемкой котлованов плотины ДнепроГЭС, где и были обнаружены знаменитые мечи X в. В 1929 г. к его счету прибавились 10 памятников различных эпох (от неолита до XVIII в.), в т. ч. открытие черняховского поселения Привольное и аланского гончарного центра VII — начала VIII в. в балке Канцирке. Апрель 1930 г. также прошёл в плодотворных исследованиях у с. Августиновка и Федоровка. Учитывая же, что в культурном слое Вознесенского комплекса оказались фрагменты керамики типа Канцирки, распознать которые на тот момент мог исключительно автор раскопок Канцирского поселения, археологической науке, наоборот, крайне повезло с полевым опытом В. А. Гринченко.

Куратором всех работ на площадке «А» Днепрозаводстроя в 1930 г. на должности старшего археолога был П. И. Смоличев, параллельно с В. А. Гринченко проводивший раскопки курганов на юго-запад от каменного сооружения. Поскольку П. И. Смоличев в 1925—1927 гг. исследовал один из эталонных памятников древнерусской дружинной культуры X в. — Шестовицкий могильник, идеальнее сочетание энергии и молодости В. А. Гринченко с опытом и знаниями П. И. Смоличева для гипотетической «могилы Святослава» просто и пожелать было сложно. Опыта работ на древнерусских памятниках, наоборот, вообще не имел М. А. Миллер.

С 1932 г. В. А. Гринченко стал аспирантом ИИМК АН УССР и возглавил отдел рабовладельческого общества Харьковского исторического музея; в 1935 г. перешел в Центральный исторический музей в Киеве, где сначала выполнял обязанности ученого секретаря, а в 1937 году короткое время — директора музея. В 1938 г. до ареста возглавлял фонды Института археологии АН УССР, куда его снова приняли на работу после возвращения из лагерей в 1947 г., даже несмотря на запрет проживать в Киеве (Нестуля 2007: 115—118). Из-за репрессий, войны и ран-

ней смерти В. А. Гринченко действительно не оставил после себя большого количества публикаций, но рукопись его работы, посвященной Вознесенскому комплексу (Гринченко 1937), отмечается основательной проработкой литературы и аналогий, поэтому неудивительно, что его выводы относительно даты и принадлежности комплекса остаются актуальными и по сей день. В общих чертах их разделяли остальные сотрудники Днепростроевской экспедиции, в т. ч. и сам М. А. Миллер!

П. И. Смоличев в письме от 23.05.1930 г. по первым впечатлениям писал: «клад можно отнести к эпохе кочевников и возможно ранней эпохе» (Епістолярна спадщина... 2012: 539). Позже в общей работе о деятельности экспедиции 1927—1932 гг. Вознесенский комплекс отнесен им к салтовской культуре (Смоличев 1933: 32—35). М. А. Миллер в отчете 1930 г. отнес Вознесенский комплекс к «культуре северокавказской (аланской)» (Миллер 1930: 9; Ковальова 2003: 11), в суммарной же характеристике работ экспедиции за 1927—1932 гг., поданной в ИА АН УССР как статья, а копия в ГАИМК — в качестве кандидатской диссертации (Архив ИИМК. Ф.24. Д.161), Вознесенский памятник уже отнесен им к «культуре салтовского типа», но сопоставлен с более ранними Перещепинским, Келегейским и Новосанжарским «кладами» VII в. (Миллер 1938: 64—68). Как уже отмечалось, вновь к «памятникам северокавказской культуры и антов» комплекс зачислен им в обобщающей работе 1956 г. (Миллер 1956: 158—159).

«Диссертация» 1938 г. не сопровождалась ни одной иллюстрацией. Оправдываясь, М. А. Миллер утверждал, что им ранее было передано для публикации в «Археологии» 50 рисунков и планов, но они были «умышленно потеряны», поэтому восстановить иллюстрации он уже не имеет возможности (Миллер 1938: 17). Действительно, у отстраненного от создания общего отчета еще в начале 1933 г. из-за конфликта со старшими археологами экспедиции М. А. Миллера доступа к чужим материалам раскопок больше не было. Конфликт произошел в конце 1932 г. из-за несанкционированной попытки М. А. Миллера опубликовать в «Проблемах ГАИМК» обзорный отчет о работах Днепростроевской экспедиции под собственной фамилией (Миллер 1938: 16). Во время оккупации летом 1943 г. М. А. Миллер повторно пытался получить доступ к фондам и библиотеке Днепропетровского музея через Ahnenerbe, но и на этот раз без успеха (Тесленко, Фанигін

2008: 87—89). Нет сомнений, что никаких новых материалов о Вознесенском комплексе после 1932 г. М. А. Миллер не получал, с фондами и аналогиями не работал, а следовательно, никаких объективных научных причин для пересмотра его датировки и интерпретации не имел.

Несложно заметить, что идея о «могиле Святослава» возникла в голодном 1946 г., когда М. А. Миллеру было крайне важно привлечь к себе внимание ученых украинской диаспоры, и плавно исчезла из его трудов после 1951 г., когда необходимые позиции были завоеваны, а Институт изучения СССР обеспечил комфортные условия для дальнейшей научной работы. Статья-ответ 1947 г. на сомнения П. П. Куринного (Миллер 1947) демонстрирует достаточно четкое понимание относительной хронологической позиции Вознесенского комплекса, весьма далекой от древнерусской культуры X в. «Заблуждаться» или «что-то напутать» М. А. Миллер никак не мог, сознательно создавая научную мистификацию, от авторства которой исследователь весьма неуклюже отказывается сразу же, как только ему стало известно о возвращении из лагерей в Институт археологии УССР В. А. Гринченко (Миллер 1956: 159, 164).

Изменчивость взглядов, скорее, норма для наследия М. А. Миллера. Так, например, его статья/диссертация 1938 г. начинается обширным доносом на всех руководителей и сотрудников Днепростроевской экспедиции, в котором М. А. Миллер сполна отыгрывается на бывших коллегах, уже репрессированных или ещё нет, за своё отстранение от дел экспедиции в начале 1933 г., и выражает полное удовлетворение «ликвидацией указанной группы» в Днепропетровском музее (Миллер 1938: 7, 8, 16). В серии же работ в эмиграции именно М. А. Миллер обличает СССР в тотальных репрессиях против археологов (Миллер 1954). Оценивая деятельность Днепростроевской экспедиции, М. А. Миллер в работах до 1933 г. всячески хвалит грандиозность работ, мудрость руководства и демократичность организации. После 1933 г. — видит лишь организационный хаос, вредительство, некомпетентность и буржуазные методики, «игру в Запорожскую Сечь» и национализм и т.п., а после 1943 г. в эмиграции — неожиданно объявляет себя «заместителем начальника» и фактическим руководителем Днепростроевской экспедиции при «свадебном генерале» Д. И. Яворницком!

В своей бурной биографии М. А. Миллеру приходилось менять роли, пожалуй, не реже,

чем знаменитому Остапу-Сулейману-Берте-Марии-Бендер-бею: российский дворянин немецкого происхождения, донской казак, сельский служащий, учёный-укаинофил, русский марксист — борец с украинским буржуазным национализмом, колаборант-фольксдойче, украинский диаспорный националист, русский эмигрант-антисоветчик. С высоты современности сложно судить, что было вызвано веяниями эпохи, что оказалось жизненной необходимостью, а что следовало из внутренних убеждений исследователя. Поиск истинных мотивов поступков М. А. Миллера мы оставляем его биографам, констатируя лишь, что его же собственные труды элементарно не оставляют мифу о «могиле Святослава» ни единого шанса на существование.

Практика

Вчитываясь в живописные реконструкции «последнего боя Святослава» с детальной привязкой событий к той или иной местности, с подробной расстановкой печенежских конников и лучников в балках, лесах, на скалах, островах и т.д., невольно задаёшься вопросом: отдают ли себе отчет авторы подобных работ в том, что современному исследователю можно лишь завидовать тому объёму знаний, которым владели Святослав и его воины об особенностях гидрологии Днепра, его течении, глубинах, ледоставе и ледоходе, порогах и заборах, подводных камнях и мелях, островах и берегах, плавнях, притоках и старицах; об обычаях, быте, повадках, местах расселения, родоплеменной организации, лидерах, вооружении и тактике печенегов; о возможностях древнерусских судов, о тактике преодоления порогов, охраны и боя на конкретных участках пути; о расположении стоянок, поселений, застав, о материальном обеспечении и составе войск русов? Много ли стоит современная реконструкция без учёта всех этих факторов?

Скупые данные письменных источников позволяют отталкиваться от следующих фактов:

1) в 971 г. Святослав получил информацию о расположении на обратном пути значительных сил печенегов, но отказался от предложения Свенельда возвращаться на Русь конным способом, не считая возможным противостоять печенегам в поле в открытом бою, но видя при этом шансы прорваться водным путем;

2) разведывательные данные, полученные при подходе к порогам, оказались неблаго-

приятными, и заставили вернуться на Белобережье, где остаться на зимовку;

3) выход в дорогу ранней весной 972 г. сразу же после ледохода позволял частично нивелировать мобильность печенежских всадников в надежде на бездорожье;

4) попытка пройти пороги означала наличие позитивных разведданных в момент принятия решения и невозможность его изменения в момент обнаружения опасности, иначе русы могли возвратиться в плавни, как показывает история казачьего времени, обладавшие достаточным пищевым ресурсом для длительного выживания более удобного момента;

5) прибытие в Киев Свенельда с частью дружины без информации о подробностях гибели Святослава, несомненно, подсказывает разделение войск на две части, одна из которых во главе с воеводой либо двигалась другим путем, либо передовым отрядом, успешный проход порогов которым и мог послужить для Святослава сигналом к выступлению;

6) вероятное участие в битве хана Кури указывает на необходимость «мобилизационного зазора» между моментом обнаружения лодий Святослава и эпизодом нападения печенегов.

Возврат на Белобережье в 971 г. красноречиво свидетельствует против навязываемого Святославу образа безрассудно храброго воителя, не способного к осторожности и отступлению. Весной же 972 г. ослабленные голодом и болезнями, разделенные на две части остатки армии русов просто обязаны были двигаться с максимальной осторожностью. Нападение печенегов, очевидно, произошло

там, где его было сложно избежать, и где мобильность кочевников отрезала все возможности для своевременного отхода.

Из четырех порогов, для прохождения которых приходилось обычно высаживаться на низкий левый берег Днепра: Ненасытецкого, Вовнигского, Будиловского и Вольного, больше всего времени печенегам на мобилизацию и подход главных сил хана давал вариант нападения на Ненасытьце. Именно здесь оказывалась невозможной полная проводка судов водой между камнями, даже если ставка делалась на полный выброс груза. И именно достигнув Ненасытьца, у Святослава уже не было бы возможности отхода назад, ибо позади оставались пройденные опасные Вовнигский, Будиловский и Вольный пороги, Таволжанская и Кичкаска переправы. Выбор Д. И. Яворницкого — Ненасытьце — и спустя столетие остаётся наиболее логичным и вероятным вариантом места нападения печенегов на дружину Святослава Игоревича. Но, по-прежнему, лишь в теории.

Приходится констатировать, что ни историки, ни археологи так и не приблизились пока ни на шаг к доказательному установлению истинного места гибели и захоронения князя, а за разнообразием версий чаще всего стоит лишь фантазия исследователей. Создание новых легенд о Святославе продолжается и через тысячелетия после его смерти, сопровождаясь их увековечением в новых памятниках. Эта интрига, безусловно, будет еще долго волновать любителей истории, если, конечно, однажды в ситуацию не вмешаются новые реальные археологические находки.

Литература

- Амелькин А. О. 2003. Фольклор в «Повести временных лет» (образ печенегов). В: Акаткин В. М. и др. (ред.). *Наследие А. Н. Афанасьева и проблемы его изучения*. Материалы межвузовской научной конференции к 175-летию со дня рождения. Воронеж: ВГУ, 112—121.
- Андрущук Ф. А. 2001. Гнёздово, Днепровский путь и финал Бирки. *Гнёздово: 125 лет исследования памятника*. Труды ГИМ 124, 126—135.
- Андрущук Ф. А. 2010. Мечи и некоторые проблемы хронологии эпохи викингов. *Краеугольный камень* 1. Москва: Ломоносовъ, 72—93.
- Андрущук Ф. 2013. *Мечи викингов*. Киев: Простір.
- Білецький А. В. 2012. Вознесенське поховання: проблема інтерпретації. *Проблеми археології Подніпров'я*. Дніпропетровськ: ДНУ, 40—49.
- Білокінь С. 2008. Из практики покемплярного дослідження українських совєцьких видань. *Записки Львівської наукової бібліотеки ім. В. Стефаника* 16 (1). Львів, 223—236.
- Борисов В. 1910. *Карта Сарматии (нынешней России) во II веке до Р. Хр. по греческому географу Птолемею* 2. Ковна.
- Брайчевська А. Т. 1962. Древньоруські пам'ятники Дніпровського Надпоріжжя. *Археологічні пам'ятки УРСР* XII. Київ, 167—176.
- Вечерков И. И. (Иаков). 1910. Путевые заметки ректора Екатеринославской духовной семинарии, архимандрита Иакова Вечеркова, впоследствии епископа Саратовского, архиепископа Нижегородского. *Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии* 6. Екатеринослав, 38—88.
- Видейко М. Ю. 2009. *Украина: от Антов до Руси*. Киев: Крион.
- Гаврилюк Н. О., Остапенко М. А. 2010. Археологічний комплекс запорізької верфі та подіом суден Дніпровської флотилії біля острова Хортиця. *Підводні дослідження: Археологія. Історія. Дайвінг*. 2. Запоріжжя, 13—27.
- Грінченко В. А. 1929. *Коротке звітлення за археологічні роботи обабіч Дніпра від Кічкасу до Вільного порогу на Запоріжжі (літо 1928 р.)*. Дніпропетровськ. Научный архив ИА НАНУ. Ф. 18. № 30.

№5. 2014

- Грінченко В. А. 1937. *Пам'ятник VIII в. відкритий біля с. Вознесенки на Запоріжжі 1930 р.* Київ. НА ІА НАНУ. Ф. 6/1.
- Грінченко В. А. 1950. Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі. *Археологія* (3), 37—63.
- Дровосекова О. В. 2009. Михайло Міллер та його праця «Могила князя Святослава». *Музейний вісник* 9. Запоріжжя, 204—214.
- Дровосекова О. В. (упорядник). 2010. «Вознесенський скарб»: *Дві долі, два погляди...* Повернута спадщина 7. Запоріжжя: Стат і К°.
- Екатерина II. 1901. Записки касательно российской истории. *Сочинения императрицы Екатерины II*. Т. 8. Санкт-Петербург.
- Епістолярна спадщина... 2012: *Епістолярна спадщина академіка Д. І. Яворницького*. Т. 6. 2012. Дніпропетровськ: АРТ-ПРЕС.
- Етимологічний словник... 1985: Стрижак О. С. (відп. ред.). 1985. *Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі*. Київ: Наукова думка.
- Зарецкий И. А. 1912. Клад найденный при селе Малая-Перецепина Константиновского уезда Полтавской губернии. *Труды Полтавской учёной архивной комиссии* IX. Полтава, 181—207.
- Каинов С. Ю. 2001. Еще раз о датировке гнёздовского кургана с мечом из раскопок М. Ф. Кусцинского (К вопросу о нижней дате Гнёздовского могильника). *Гнездово: 125 лет исследования памятника*. Труды ГИМ 124, 54—63.
- Карамзин Н. М. 1842. *История государства Российского*. Кн. 1. Т. 1—4. Санкт-Петербург.
- Кирпичников А. Н. 1966. *Древнерусское оружие*. Вып. 1: *Мечи и сабли IX—XIII вв.* САИ Е1—36. Москва; Ленинград.
- Кирпичников А. 2007. Мечи типа ULFBERHT на Востоке. *Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи*. Чернігів: Деснянська правда, 82—90.
- Книга Большому Чертежу. 1950. Москва; Ленинград: Издательство АН СССР.
- Кобалія Д. Р. 2013. Нові монооксили. Результати роботи ЕПАР у 2012 році. *Підводні дослідження: Археологія. Історія. Дайвінг*. 5. Запоріжжя, 42—50.
- Ковальова І. Ф. 2003. До ювілею Дніпрогесівської археологічної експедиції. *Проблеми археології Подніпров'я*. Дніпропетровськ: ДНУ, 4—13.
- Козловський А. О. 1992. *Історико-культурний розвиток Південного Подніпров'я в IX—XIV ст.* Київ: Наукова думка.
- Козловський А. О., Ільїнський В. Є. 1991. Козацькі старожитності Пониззя Дніпра. *Археологія* (4), 48—56.
- Козубовський Ф. 1934. *Археологічні дослідження на Дніпрелітані*. [Київ]. Научний архив ІА НАНУ. Ф. 18. № 130а.
- Комар А. В. 2014. Мечи Днепростроя (к истории находки 1928 г.). *Русь в X—XII вв.: общество, государство, культура*. Москва; Вологда: Древности Севера, в печати.
- Константин Багрянородный. 1991. *Об управлении империей*. Москва: Наука.
- Корзухина Г. Ф. 1954. *Русские клады IX—XIII вв.* Москва; Ленинград: АН СССР.
- Королев А. 2011. *Святослав*. Молодая гвардия.
- Кропоткин В. В. 1962. *Клады византийских монет на территории СССР*. САИ Е4—4. Москва: АН СССР.
- Кукушкина и др. 1994: Кукушкина М. В., Белоброва О. А., Амосов А. А., Сергеева И. Н. 1994. Описание миниатюр Радзивилловской летописи. *Радзивилловская летопись* 2. Санкт-Петербург: Глаголь, 302—397.
- Лебедев Г. С. 2005. *Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси*. Санкт-Петербург: Евразия.
- Лев Диякон. 1988. *История*. Москва: Наука.
- Лихачев Д. С. 1979. *Поэтика древнерусской литературы*. Москва: Наука.
- Лызлов А. 1990. *Скифская история*. Москва: Наука.
- Ляскоронский В. Г. 1907. *Русские походы в степи в удельно-вечное время*. Санкт-Петербург.
- Макаревский Ф. 1880. *Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской Епархии: Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия*. Екатеринослав.
- Макаренко Н. Е. 1912. Перецепинский клад. ИАК 46, 207—211.
- Мальгин Т. С. 1789. *Зерцало российских государей с 862 по 1789 год*. Санкт-Петербург.
- Мартенс Г. Г. 1931. *Шоденники археологічних робіт: Котлован середньої протоки Дніпра*. Кічкас. НА ІА НАНУ. Ф. 6. № 79а. Л. 41—42.
- Мацулевич Л. А. 1959. *Войсковой знак V в. Византийский временник XVI*. Москва, 183—205.
- Міллер М. 1930. *Короткий попередній звіт за археологічні дослідження та розкопки на терені Дніпрозаводбуду*. Таганрог. Научный архив ІА НАНУ. Ф-18. № 77.
- Миллер М. А. 1938. *Материалы к истории Поднепровья*. Научный архив ІА НАНУ. Ф. 16. № 146.
- Міллер М. 1946. *Могила князя Святослава*. Женева: Український морський інститут.
- Міллер М. 1947. *Ще за могилу князя Святослава*. *Чорноморський збірник* 10. Женева, 57—60.
- Міллер М. 1951. *Могила князя Святослава*. Виннипег: Культура й освіта.
- Миллер М. А. 1954. *Археология в СССР*. Мюнхен: ИИИИ СССР.
- Міллер М. 1956. *Дніпрелітанівська археологічна експедиція Наркомосу України (1927—1932)*. *Науковий збірник Українського вільного університету VI*. Мюнхен, 147—166.
- Нестуля О. 2007. Грінченко Володимир Автономович. *Реабілітовані історією*. Київ; Полтава: Оріяна, 114—118.
- Німчук В. В. 1992. *Давньоруська спадщина в лексикі української мови*. Київ: Наукова думка.
- Новицький Я. 2007. *Твори*. Т. 1—2. Запоріжжя: АА Тан-дем.
- Остапенко М. А., Нефьодов В. В. 2013. Меч эпохи князя Святослава на шляху з варяг в греки. *Підводні дослідження: Археологія. Історія. Дайвінг*. 5. Запоріжжя, 51—63.
- Пазинич В. Г. 2007. *Геоморфологічний літопис Великого Дніпра*. Ніжин: Гідромакс.
- Пастернак Я. 1961. *Археологія України*. Торонто: Наукове Товариство ім. Шевченка.
- Подобедова О. И. 1964. *Миниатюры исторических рукописей: К истории русского лицевого летописания*. Москва: Наука.
- Попандопуло З. Х. 2012. *Фотопамять о Днепростроевской экспедиции*. *Музейний вісник* 12. Запоріжжя, 265—269.
- ПСРЛ 2000: *Полное собрание русских летописей*. 2000. Т. 1—2. Москва: Языки славянской культуры.
- Равдоникас В. И. 1933. *Надписи и знаки на мечах из Днепростроя*. *Известия ГАИМК* 100, 598—616.
- Радзивилловская летопись*. 1994. Кн. 1. Факсимильное воспроизведение рукописи. Санкт-Петербург: Глаголь.
- Рыбаков Б. А. 1948. *Торговля и торговые пути. История культуры Древней Руси. Домонгольский период*. Т. I: *Материальная культура*. Москва; Ленинград: АН СССР, 315—369.

- Рыбаков Б. А. 1950. Уличи (историко-географические заметки). *КСИИМК* 35, 3—17.
- Рыбаков Б. А. 1953. Древние русы. *СА XVII*, 23—104.
- Рыбаков Б. А. 1964. *Первые века русской истории*. Москва: Наука.
- Рыбаков Б. А. 1982. *Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.* Москва: Наука.
- Рыбаков Б. А. 1984. *Из истории культуры Древней Руси*. Москва: МГУ.
- Саричев В. Д. 2012. Мініатюра Радзивілівського літопису в системі джерел про останній бій Святослава. *Музейний вісник* 12. Запоріжжя, 46—260.
- Саричев В. Д. 2013. Мініатюра Радзивілівського літопису в системі джерел про останній бій Святослава. *Підводні дослідження: Археологія. Історія. Дайвінг*. 5. Запоріжжя, 114—131.
- Скилиця. 1988. О войне с Русью императоров Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия. В: Лев Диакон. *История*. Москва: Наука, 121—133.
- Сміленко А. Т. 1975. *Слов'яни та їх сусіди в Степовому Подніпр'ї (II—XIII ст.)*. Київ: Наукова думка.
- Сморжевская О. А., Шиженский Р. В. 2010. *Современное язычество в религиозно-культурной жизни: исторические очерки*. Нижний Новгород: НГПУ.
- Сокульский и др. 1977: Сокульский А. Л., Шевченко Т. К., Бодянский А. В., Рогожкина Л. В. 1977. Раскопки славянского поселения на острове Хортица. *АО* 1976 г., 373—374.
- Сокульський А. Л., Сокульський Є. А. 2012. Меч «Володимира Кальцева» з дна Дніпра біля острова Хортиця. *Гілея. Історичні науки. Філософські науки. Політичні науки* 56 (1). Київ, 167—170.
- Старостін В. 2010. Пам'ятник над Ненаситцем. *Експедиція XXI* 12 (102). Дніпропетровськ, 8—9.
- Строкова Л. В. 1983. Славянские древности Днепровского Надпорожья в материалах Днепровской экспедиции 1927—1932 гг. *Древности степного Поднепровья III—I тыс. до н. э.* Днепропетровск: ДГУ, 28—32.
- Татищев В. Н. 1768. *История Российская*. Т. 1. Москва.
- Тесленко Д. І., Фанигін Ю. Ю. 2008. Михайло Олександрович Міллер — людина і учений в епоху гуманітарних катастроф. *Вопросы германской истории*. Дніпропетровськ: ДНУ, 70—102.
- Толочко А. П. 2005. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. Киев: Критика.
- Фещенко І. М. 1940. *Историческое прошлое территории Днепровгэса и порожистой части Днепра*. НА ИА НАНУ. Ф. 8. №4.
- Худяков М. Г. 1935. Издания Государственной Академии истории материальной культуры имени Н. Я. Марра по археологии в 1933 и 1934 гг. *СЭ* (2), 191—197.
- Чернышев Н. А. 1963. О технике и происхождении «франкских» мечей, найденных на Днепрострое в 1928 г. *Скандинавский сборник VI*. Таллин, 211—226.
- Чертков А. Д. 1843. *Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков в 967—974 годах*. Москва.
- Шаповалов Г. И. 1991. Подводные исследования судов X—XI и XIV—XV вв. у острова Хортица. *ДСПуК* 2, 174—179.
- Шаповалов Г. И. 2002. Де загинув князь Святослав Ігоревич? *Література та культура Полісся* 20. Ніжин, 23—29.
- Шаповалов Г. И. 2003. До питання про місце загибелі та поховання князя Святослава Ігоревича. *Культурологічний вісник* 10. Запоріжжя, 3—7.
- Шаповалов Г. И. 2010. Підводна археологія Запоріжжя: досягнення і перспективи. *Підводні дослідження: Археологія. Історія. Дайвінг*. 2. Запоріжжя, 4—12.
- Шилов Ю. О. 2001. *Святині*. Київ: Миронівська друкарня.
- Ширяев А. Г. 2007. О месте гибели Святослава Игоревича. *Музейный вестник* 7. Запоріжжя, 58—61.
- Эварницкий Д. 1898. *Вольности запорожских казаков*. Санкт-Петербург.
- Яворницький Д. І. 1990. *Історія запорізьких козаків* 1. Київ: Наукова думка.
- Яворницький Д. І. 2010а. Археологічні досліді на дніпрових порогах 1927—1929 р.р. *Дніпрогесівська археологічна експедиція 1927—1932 рр. (Звіти Д. І. Яворницького)*. Старожитності Південної України 23. Запоріжжя, 23—35.
- Яворницький Д. 2010б. Справоздання Запорізької Науково-Археологічної експедиції по дослідженню території Дніпрельстану, Дніпрозаводбуду й порожистої ланки Дніпра за її роботу протягом року 1930-го. Археологічні досліді на дніпрових порогах 1927—1929 р.р. *Дніпрогесівська археологічна експедиція 1927—1932 рр. (Звіти Д. І. Яворницького)*. Старожитності Південної України 23. Запоріжжя, 36—47.
- Duczko W. 2004. *Viking Rus: Studies on the Presence of Scandinavians in Eastern Europe*. Leiden; Boston: Brill.
- Le Vasseur de Beauplan G. 1660. *Description d'Ukraine, qui sont plusieurs provinces du royaume de Pologne*. Rouen.
- Petersen J. 1919. *De norske vikingesverd. En typologisk-kronologisk studie over vikingetidens vaben*. Kristiania.
- Schottin R. 1866. *Tagebuch des Erich Lassota von Steblau*. Galle.

References

- Amelkin, A. O. 2003. In *Nasledie A. N. Afanas'eva i problemy ego izucheniiia* (A. N. Afanasyev's Heritage and Issues of its Research). Voronezh: VGU, 112—121 (in Russian).
- Androshchuk, F. A. 2001. In *Gnezdovo: 125 let issledovaniia pamiatnika* (Gnezdovo: 125 Years of Research on the Site). Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 124, 126—135 (in Russian).
- Androshchuk, F. A. 2010. In *Kraeugol'nyi kamen' (Cornerstone)* 1. Moscow: Lomonosov, 72—93 (in Russian).
- Androshchuk, F. 2013. *Mechi vikingov (Vikings' Swords)*. Kiev: Prostrir (in Russian).
- Biletskyj, A. V. 2012. In *Problemy arkheologii Podniprova (Issues in Archaeology of the Dnieper Basin)*. Dnepropetrovsk: DNU, 40—49 (in Ukrainian).
- Bilokin, S. 2008. In *Zapysky L'vivs'koj naukovoї biblioteki im. V. Stefanyka* (Notes of V. Stefanyk Academic Library in Lvov) 16 (1). Lvov, 223—236 (in Ukrainian).
- Borisov, V. 1910. *Karta Sarmatii (nyneshnei Rossii) vo II veke do R. Khr. po grecheskomu geografu Ptolemeiu* (Map of Sarmatia (Russia today) in 2nd c. BC by the Greek Geographer Ptolemy) 2. Kovna (in Russian).
- Brajchevskaya, A. T. 1962. In *Arkheologichni pam'yatky URSS (Archaeological sites of the Ukrainian SSR)* XII. Kiev, 167—176 (in Ukrainian).
- Vechevskov, I. I. (Iakov). 1910. In *Letopis' Ekaterinoslavskoi uchenoi arkhivnoi komissii* (Chronicle of Ekaterinoslav Archival Academic Committee) 6. Ekaterinoslav, 38—88 (in Russian).
- Videiko, M. Yu. 2009. *Ukraina: ot Antov do Rusi*. Kiev: Krion (in Russian).
- Gavriluk, N. A., Ostapenko, M. A. 2010. In *Pidvodni doslidzhennya: Arkheolohiya. Istoriya. Dajvinh* (Underwater Research: Archaeology. History. Diving). 2. Zaporozhye,

№5. 2014

- 13—27 (in Ukrainian).
- Grinchenko, V. A. 1929. *Korotke zvidomlennya za arkeolohichni roboty obabich Dnipra vid Kichkasu do Vil'noho porohu na Zaporizhzhii* (lito 1928 r.) (Brief Information on Archaeological Surveys Along the Dnieper from Kichkas to the Volny Rapids in Zaporozhye (summer 1928)). Dnepropetrovsk. Naukovii arkhiv Institutu arkeolohii Natsional'noi Akademii nauk Ukraini (Scientific archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine). F. 18. № 30 (in Ukrainian).
- Grinchenko, V. A. 1937. *Pam'yatnyk VIII v. vidkrytyj bilya s. Voznesenky na Zaporizhzhii 1930 r.* (Site of 18 c. Discovered near v. Voznesenky in Zaporozhye, 1930). Kiev. Naukovii arkhiv Institutu arkeolohii Natsional'noi Akademii nauk Ukraini (Scientific archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine). F. G/1 (in Ukrainian).
- Grinchenko, V. A. 1950. In *Arkheolohiya* (Archaeology) (3), 37—63 (in Ukrainian).
- Drovosekova, O. V. 2009. In *Muzejnyj visnyk* (Museum Bulletin) 9. Zaporozhye, 204—214 (in Ukrainian).
- Drovosekova, O. V. (ed.). 2010. «Voznesens'kyj skarb»: *Dvi doli, dva pohlyady...* ("Voznesensky Hoard": Two Parts, Two Views...). *Povernuta spadshchyna* (The Returned Heritage) 7. Zaporozhye: Stat i K° (in Ukrainian).
- Catherine II. 1901. *Sochineniia imperatritsy Ekateriny II* (Works of Empress Catherine II the Great). Vol. 8. Saint Petersburg (in Russian).
- Epistolyarna spadshchyna akademika D. I. Yavornyts'koho* (Epistolary Heritage of Academician D.I. Yavornytsky). 2012. Vol. 6. Dnepropetrovsk: Art-Pres (in Ukrainian).
- Strizhak, O. S. (ed.). 1985. *Etimologichnii slovník litopisnykh geografichnykh nazv Pivdennoi Rusi* (Etymological Dictionary of Place Names in Southern Russia). Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Zaretsky, I. A. 1912. In *Trudy Poltavskoi uchenoi arkhivnoi komisii* (Proceedings of Poltava Archival Academic Committee) IX. Poltava, 181—207 (in Russian).
- Kainov, S. Yu. 2001. In *Gnezdo: 125 let issledovaniia pamiatnika* (Gnezdo: 125 Years of Research on the Site). *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia* (Proceedings of the State Historical Museum) 124, 54—63 (in Russian).
- Karamzin, N. M. 1842. *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo* (History of the Russian State). Book 1. Vol. 1—4. Saint Petersburg (in Russian).
- Kirpichnikov, A. N. 1966. *Drevnerusskoe oruzhie* (Early Russian Armaments). Issue 1. *Mechi i sabli IX—XIII vv.* (Swords and Sabers of 9th—13th cc.). Svod arkeologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1—36. Moscow; Leningrad (in Russian).
- Kirpichnikov, A. 2007. In *Chernihiv u seredn'ovichnij ta rann'omodernij istorii Tsentral'no-Skhidnoi Yevropy* (Chernigov in Medieval and Early Modern History of Central-Eastern Europe). Chernigov: Desnyans'ka pravda, 82—90 (in Russian).
- Kniga Bol'shomu Chertezhu* (Big Plate Book). 1950. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).
- Kobaliya, D. R. 2013. In *Pidvodni doslidzhennya: Arkheolohiya. Istoriya. Dajvinh.* (Underwater Research: Archaeology. History. Diving.) 5. Zaporozhye, 42—50 (in Ukrainian).
- Kovaliova, I. F. 2003. In *Problemy arkeolohii Podniprova* (Issues in Archaeology of the Dnieper Basin). Dnepropetrovsk: DNU, 4—13 (in Ukrainian).
- Kozlovsky, A. O. 1992. *Istoryko-kul'turnyj rozvytok Pivdennoho Podniprova v IX—XIV st.* (Historical and Cultural Development of Southern Dnieper Basin in 9th—14th cc.). Kiev: Naukova dumka (in Ukrainian).
- Kozlovsky, A. O., Ilynsky, V. E. 1991. In *Arkheolohiya* (4), 48—56 (in Ukrainian).
- Kozubovsky, F. 1934. *Arkheolohichni doslidzhennya na Dniprel'stani* (Archaeological Research on Dneprelstan). [Kiev]. Naukovii arkhiv Institutu arkeolohii Natsional'noi Akademii nauk Ukraini (Scientific archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine). F. 18. № 130a (in Ukrainian).
- Komar, A. V. 2014. In *Rus' v X—XII vv.: obschestvo, gosudarstvo, kul'tura* (Rus' in 10th—12th cc.: society, state, culture). Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, in print (in Russian).
- Constantine Porphyrogenetos. 1991. *Ob upravlenii imperiei* (On the Administration of the Empire). Moscow: Nauka (in Russian).
- Korzukhina, G. F. 1954. *Russkie klady IX—XIII vv.* (Russian Hoards of 9th—13th cc.). Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).
- Korolev, A. 2011. *Sviatoslav* (Sviatoslav I of Kiev). Moscow: Molodaia gvardiia (in Russian).
- Kropotkin, V. V. 1962. *Klady vizantiiskikh monet na territorii SSSR* (Hoards of Byzantine Coins on the Territory of the USSR). Svod arkeologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E4—4. Moscow: AN SSSR (in Russian).
- Kukushkina, M. V., Belobrova, O. A., Amosov, A. A., Sergeeva, I. N. 1994. In *Radzivilovskaia letopis'* (Radzivil Chronicle) 2. Saint Petersburg: Glagol', 302—397 (in Russian).
- Lebedev, G. S. 2005. *Epokha vikingov v Severnoi Evrope i na Rusi* (Vikings' Time in Northern Europe and Rus'). Saint Petersburg: Evraziia (in Russian).
- Leo the Deacon. 1988. *Istoriia* (The History). Moscow: Nauka (in Russian).
- Likhachev, D. S. 1979. *Poetika drevnerusskoi literatury* (Poetics of the Early Russian Literature). Moscow: Nauka (in Russian).
- Lyzlov, A. 1990. *Skifskaiia istoriia* (Scythian History). Moscow: Nauka (in Russian).
- Lyaskoronsky, V. G. 1907. *Russkie pokhody v stepi v udel'no-vechevoe vremia* (Russian Raids into the Steppes during the Demesne and Popular Assembly Time). Saint Petersburg (in Russian).
- Makarevsky, F. 1880. *Materialy dlia istoriko-statisticheskogo opisaniia Ekaterinoslavskoi Eparkhii: Tserkvi i prikhody proshedshego XVIII stoletia* (Materials for Historical and Statistical Description of Ekaterinoslav Episcopate: Churches and Parishes of the Past 18th c.). Ekaterinoslav (in Russian).
- Makarenko, N. E. 1912. In *Izvestiia Imperatorskoi arkeologicheskoi komissii* (Reports of the Imperial Archaeological Commission) 46, 207—211 (in Russian).
- Malgin, T. S. 1789. *Zertsalo rossiiskikh gosudarei s 862 po 1789 god* (Speculum of the Russian Emperors from 862 to 1789). Saint Petersburg (in Russian).
- Martens, G. G. 1931. *Shchodennyky arkeolohichnykh robit: Kotlovan seredn'oi protoky Dnipra. Kichkas* (Journals of Archaeological Works: The Trench of the Dnieper's Middle Stream. Kichkas). Naukovii arkhiv Institutu arkeolohii Natsional'noi Akademii nauk Ukraini (Scientific archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine). F.6. № 79a. L.41—42 (in Ukrainian).
- Matsulevich, L. A. 1959. In *Vizantiiskii vremennik* (Byzantine Yearbook) XVI. Moscow, 183—205 (in Russian).
- Miller, M. 1930. *Korotkyj poperednij zvit za arkeolohichni doslidy ta rozkopy na tereni Dniprozavodbudu* (Brief Preliminary Report on Archaeological Research and Excavations on the Territory of Dneprozavodbud). Taganrog. Naukovii arkhiv Institutu arkeolohii Natsional'noi Akademii nauk Ukraini (Scientific archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine). F.18. № 77 (in Ukrainian).
- Miller, M. A. 1938. *Materialy k istorii Podneprov'ia* (Materials towards History of the Dnieper Basin). Nauchnyi arkhiv Instituta arkeologii Natsional'noi Akademii nauk Ukrainy (Scientific archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine). F.16. № 146 (in Russian).
- Miller, M. 1946. *Mogila kniazia Sviatoslava* (Knyaz Sviatoslav's Grave). Geneva: Ukrain'skii mors'kii institut (in Russian).
- Miller, M. 1947. In *Chornomors'kyj zbirnyk* (Black Sea Volume) 10. Geneva, 57—60 (in Ukrainian).
- Miller, M. 1951. *Mogila kniazia Sviatoslava* (Knyaz Sviatoslav's Grave). Winnipeg: Kul'tura i osvita (in Ukrainian).
- Miller, M. A. 1954. *Arkheologiiia v SSSR* (Archaeology in the USSR). Munich: IILK SSSR (in Russian).
- Miller, M. 1956. In *Naukovyj zbirnyk Ukrain's'koho vil'noho universytetu* (Scientific Volume of Ukrainian Free University) VI. Munich, 147—166 (in Ukrainian).
- Nestulya, O. 2007. In *Reabilitovani istoriyeyu* (Rehabilitated by History). Kiev; Poltava: Oriyana, 114—118 (in Ukrainian).
- Nimchuk, V. V. 1992. *Davn'orus'ka spadshchyna v leksytsi ukrains'koi movy* (Early Russian Heritage in Lexics of the Ukrainian Language). Kiev: Naukova dumka (in Ukrainian).
- Novitsky, Ya. 2007. *Tvory*. T. 1—2. Zaporozhye: AA Tandem (in Ukrainian).

- Ostapenko, M. A., Nefyodov, V. V. 2013. In *Pidvodni doslidzhennya: Arkheolohiya. Istoriya. Dajvinh. (Underwater Research: Archaeology. History. Diving)*. 5. Zaporozhye, 51—63 (in Ukrainian).
- Pazinich, V. H. 2007. *Heomorfologichnyj litopys Velykoho Dnipra (Geomorphological Chronicle of the Great Dnieper)*. Nezhin: Hidromaks (in Ukrainian).
- Pasternak, Ya. 1961. *Arkheolohiya Ukraïny (Archaeology of Ukraine)*. Toronto: Naukove Tovarystvo im. Shevchenka (in Ukrainian).
- Podobedova, O. I. 1964. *Miniatiury istoricheskikh rukopisei: K istorii russkogo litsevo letopisaniia (Miniatures of Historical Manuscripts: Towards History of the Russian Personal Chronicles)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Popandopulo, Z. Kh. 2012. In *Muzejnyj visnyk (Museum Bulletin)* 12. Zaporozhye, 265—269 (in Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisei (Full Collection of Russian Chronicles). 2000. Vol. 1—2. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury (in Russian).
- Ravdonikas, V. I. 1933. In *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture)* 100, 598—616 (in Russian).
- Radzivilovskaia letopis' (Radzivil Chronicle). 1994. Book 1. Faksimil'noe vosproizvedenie rukopisi (Facsimile Reproduction of Manuscript). Saint Petersburg: Glagol' (in Old Russian).
- Rybakov, B. A. 1948. In *Istoriia kul'tury Drevnei Rusi. Domongol'skii period (History of Culture of the Ancient Rus'. Pre-Mongol Time)*. T. I: Material'naia kul'tura (Material culture). Moscow; Leningrad: AN SSSR, 315—369 (in Russian).
- Rybakov, B. A. 1950. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Reports of the Institute for the History of Material Culture)* 35, 3—17 (in Russian).
- Rybakov, B. A. 1953. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* XVII, 23—104 (in Russian).
- Rybakov, B. A. 1964. *Pervye veka russkoi istorii (First Centuries of the Russian History)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Rybakov, B. A. 1982. *Kievskaiia Rus' i russkie kniazhestva XII—XIII vv. (Kievan Rus' and Russian Principalities in 12th—13th cc.)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Rybakov, B. A. 1984. *Iz istorii kul'tury Drevnei Rusi (From Cultural History of Early Rus')*. Moscow: MGU (in Russian).
- Sarichev, V. D. 2012. In *Muzejnyj visnyk (Museum Bulletin)* 12. Zaporozhye, 246—260 (in Ukrainian).
- Sarichev, V. D. 2013. In *Pidvodni doslidzhennya: Arkheolohiya. Istoriya. Dajvinh. (Underwater Research: Archaeology. History. Diving)*. 5. Zaporozhye, 114—131 (in Ukrainian).
- John Skylitzes. 1988. In *Leo the Deacon. Istoriia (The History)*. Moscow: Nauka, 121—133 (in Russian).
- Smilenko, A. T. 1975. *Slov'yany ta ikh susidy v Stepovomu Podniprovi (II—XIII st.) (Slavs and their Neighbors in the Steppe Denieper Area (2nd—13th cc.))*. Kiev: Naukova dumka (in Ukrainian).
- Smorzhevskaya, O. A., Shizhensky, R. V. 2010. *Sovremennoe iazychestvo v religiozno-kul'turnoi zhizni: istoricheskie ocherki (Modern Paganism in Religious and Cultural Life: Historical Sketches)*. Nizhny Novgorod: NGPU (in Russian).
- Sokulsky, A. L., Shevchenko, T. K., Bodyansky, A. V., Rogozhkina L. V. 1977. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1976 g. (Archaeological researches in 1976)*, 373—374 (in Russian).
- Sokulsky, A. L., Sokulsky, E. A. 2012. In *Hileya. Istorychni nauky. Filosofs'ki nauky. Politychni nauky (Gileya. Historical Disciplines. Philosophical Disciplines. Political Disciplines)* 56 (1). Kiev, 167—170 (in Ukrainian).
- Starostin, V. 2010. In *Ekspedytsiia (Expedition)* XXI 12 (102). Dnepropetrovsk, 8—9 (in Ukrainian).
- Strokova, L. V. 1983. In *Drevnosti stepnogo Podneprov'ia III—I tys. do n. e. (Antiquities of the Steppe Dnieper Basin in III—I Millennia BC)*. Dnepropetrovsk: DGU, 28—32 (in Russian).
- Tatishchev, V. N. 1768. *Istoriia Rossiiskaia (Russian History)*. Vol. 1. Moscow (in Russian).
- Teslenko, D. I., Fanigin, Yu. Yu. 2008. In *Voprosy germanskoi istorii (Issues of German History)*. Dnepropetrovsk: DNU, 70—102 (in Ukrainian).
- Tolochko, A. P. 2005. «Istoriia Rossiiskaia» Vasiliia Tatishcheva: istochniki i izvestiia (Vasily Tatishchev's 'Russian History': Sources and Accounts). Kiev: Kritika (in Russian).
- Feshchenko, I. M. 1940. *Istoricheskoe proshloe territorii Dneprogesa i porozhistoi chasti Dnepra (Historical Past of Dneproges and Dnieper Rapids Area)*. Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Natsional'noi Akademii nauk Ukraïny (Scientific archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine). F. 8. № 4 (in Russian).
- Khudyakov, M. G. 1935. In *Sovetskaia Etnografiia (Soviet Ethnography)* (2), 191—197 (in Russian).
- Chernyshev, N. A. 1963. In *Skandinavskii sbornik (Scandinavian Volume)* VI. Tallin, 211—226 (in Russian).
- Chertkov, A. D. 1843. *Opisanie voyny velikogo kniazia Sviatoslava Igorevicha protiv bolgar i grekov v 967—974 godakh (Description of War between the Great Knyaz Sviatoslav Igorevich and Bulgarians and Greeks in 967—974)*. Moscow (in Russian).
- Shapovalov, G. I. 1991. In *Drevnosti Stepnogo Prichernomor'ia i Kryma (Antiquities of the steppe zone in Northern Pontic and Crimea)* 2, 174—179 (in Russian).
- Shapovalov, G. I. 2002. In *Literatura ta kul'tura Polissya (Literature and Culture of Polesse)* 20. Nezhin, 23—29 (in Ukrainian).
- Shapovalov, G. I. 2003. In *Kul'turolozhichnyj visnyk (Culturological Bulletin)* 10. Zaporozhye, 3—7 (in Ukrainian).
- Shapovalov, G. I. 2010. In *Pidvodni doslidzhennya: Arkheolohiya. Istoriya. Dajvinh. (Underwater Research: Archaeology. History. Diving)* 2. Zaporozhye, 4—12 (in Ukrainian).
- Shilov, Yu. O. 2001. *Svyatyni (Sanctuaries)*. Kiev: Myroniv'ska drukarnia (in Ukrainian).
- Shiryayev, A. G. 2007. In *Muzejnyj visnyk (Museum Bulletin)* 7. Zaporozhye, 58—61 (in Russian).
- Yavornitsky, D. I. 1898. *Vol'nosty zaporozhskikh kazakov (Liberties of Zaporozhye Cossacks)*. Saint Petersburg (in Russian).
- Yavornitsky, D. I. 1990. *Istoriya zaporiz'kykh kozakiv (History of Zaporozhye Cossacks)* 1. Kiev: Naukova dumka (in Ukrainian).
- Yavornitsky, D. I. 2010. In *Dniprohesivs'ka arkheolohichna ekspeditsiia 1927—1932 rr. (Zvity D. I. Yavornyts'koho) (Dneproges Archaeological Expedition in 1927—1932 (D. I. Yavornitsky's Reports))*. Starozhytnosti Pivdennoi Ukraïny (Southern Ukrainian Antiquities) 23. Zaporozhye, 23—35 (in Ukrainian).
- Yavornitsky, D. I. 2010. In *Dniprohesivs'ka arkheolohichna ekspeditsiia 1927—1932 rr. (Zvity D. I. Yavornyts'koho) (Dneproges Archaeological Expedition in 1927—1932 (D. I. Yavornitsky's Reports))*. Starozhytnosti Pivdennoi Ukraïny (Southern Ukrainian Antiquities) 23. Zaporozhye, 36—47 (in Ukrainian).
- Duczko, W. 2004. *Viking Rus: Studies on the Presence of Scandinavians in Eastern Europe*. Leiden; Boston: Brill.
- Le Vasseur de Beauplan, G. 1660. *Description d'Ukraine, qui sont plusieurs prouvinces du royaume de Pologne*. Rouen.
- Petersen, J. 1919. *De norske vikinger verd. En typologisk-kronologisk studie over vikingetidens vaben*. Kristiania.
- Schottin, R. 1866. *Tagebuch des Erich Lassota von Steblau*. Galle.

Статья поступила в номер 7 апреля 2014 г.

Oleksii Komar (Kiev, Ukraine). Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine¹.

Oleksii Komar (Kiev, Ucraina). Candidat în științe istorice. Institutul de arheologie al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei.

Комар Алексей Викторович (Киев, Украина). Кандидат исторических наук. Институт археологии Национальной Академии наук Украины.

E-mail: akomar@mail.ru

Address: ¹ Geroev Stalingrada Pr., 12, Kiev, 04210, Ukraine